Российская академия наук
Институт географии

В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле

А. В. Дроздов
В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23730021
В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле: КМК; Москва; 2012
ISBN 978-5-87317-877-3

Аннотация

В книге собраны очерки об Институте географии РАН – его некоторых отделах и лабораториях, экспедициях, сотрудниках. Они не представляют собой систематическое изложение истории Института. Их цель – рассказать читателям, особенно молодым, о ценных, на наш взгляд, элементах институтского нематериального наследия: об исследовательских установках и побуждениях, стиле работы, деталях быта, характере отношений, об атмосфере, присущей академическому научному сообществу, частью которого Институт является. Очерки сгруппированы в три раздела. Самый обширный из них третий, содержащий воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и в жизни Института. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях, об Институте в целом или о его лабораториях

и отделах. В очерках присутствуют вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю. Для географов, историков, студентов, для всех, интересующихся жизнью сообщества ученых – географов.

Содержание

Предисловие 6
Замысел и построение книги 10
Часть I. В лабораториях, отделах, в Институте 15
А. В. Дроздов 15
А. В. Дроздов 28
В. П. Чичагов 35
Н. И. Коронкевич 48
Н. К. Кононова 60
С. С. Савина 72
1953–1956 – годы аспирантуры 72
Борис Львович Дзердзеевский 78
Отдел климатологии 87
Институт географии АН СССР 95
А. В. Дроздов 102
Т. Г. Нефедова 117
Конец ознакомительного фрагмента. 125

В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле

© Институт географии РАН, 2012.
© Дроздов А. В., составление, 2012.
© Т-во научных изданий КМК, издание, 2012.

* * *

Предисловие

В небольшой двухэтажный дом под номером 29 в Старомонетном переулке, в одном из множества переулков Замоскворечья с их характерными названиями – Казачий, Толмачевский, переулков между улицами с не менее выразительными названиями – Ордынка, Полянка – я впервые вошел в августе 1954 года. В этом доме уже около 20 лет помещался Институт географии Академии наук СССР. И мне, выпускнику географического факультета МГУ, только что принятому на работу в этот Институт, в тот момент сопутствовали особые чувства. Я был горд и взволнован, немного напряжен – ведь директором Института был академик И. П. Герасимов, в Институте работали его основатель академик А. А. Григорьев, Г. Д. Рихтер, Г. А. Авсюк и Э. М. Мурзаев, Б. А. Федорович и А. С. Кесь, Д. Л. Арманд и В. В. Покшишевский. Их имена внушали если не трепет, то безусловный пиетет.

Тогда мне трудно было предположить, что и до сегодняшнего дня, более полувека я буду входить в этот дом. В отдел физической географии, в который был принят вначале. В библиотеку, в редакцию нашего журнала «Известия Академии наук СССР. Серия географическая». В зал заседаний Ученого совета с его оконным полукружием на задней стене.

И позже, уже будучи сотрудником, а потом и заведующим

отделом гляциологии, который располагался в полуподвалах в районе Новые Черемушки (это те самые, но не единственные «выселки», что упомянуты в названии книги), я часто входил в дом на Старомонетном как в «Альма Матер» нашего Института. А с 1986 года я прихожу в этот дом уже в свой директорский кабинет.

Все эти годы я ощущал привычно дружественную атмосферу «Дома на Старомонетном». Может быть, неявно, как неявно ощущаешь нормальную температуру воздуха, нормальную концентрацию в нем кислорода. И сразу замечаешь отклонение от нормы. Но, несмотря на нашу непростую историю, трудности и кризисы в жизни страны и Академии – серьезных отклонений не помню, атмосфера оставалась привычной и, как говорят теперь, комфортной. Возможно, потому, что в нашем доме, как и прежде, живут «гении места», эти римские хранители и выразители духа того места, где они обитают. Скорее всего, их несколько или, лучше сказать, у каждого из нас может существовать свой образ «гениус локу». Мне хочется думать, что их немало.

Какова же была и какой, я надеюсь, сохранится атмосфера нашего дома? Что было и остается ее отличительными чертами? Какой мы ощущали ее на тех самых «выселках»? Что менялось и менялось ли в атмосфере полевой жизни? Ответы, пусть не исчерпывающие, читатель найдет в этой книге.

Составляющие книгу воспоминания и очерки написаны в основном сотрудниками Института, несколько принадлежат

перу коллег, близко знакомых с Институтом или с некоторыми из его сотрудников. По стилю изложения и содержанию объединенные в эту книгу тексты различны.

Рассказы о той или иной лаборатории или отделе Института или о нашем Институте в целом насыщены ощущением атмосферы времени, в них отражен характер профессиональных и человеческих отношений между коллегами, присущий нашему сообществу. Не забыт и местный фольклор.

Группа текстов, посвященных экспедициям и полевым станциям, воспроизводит не только особенности быта, но и особый дух этой жизни, иногда также содержание исследований, особенности их организации.

Некоторые очерки-портреты сотрудников Института включают анализ творчества коллег, другие посвящены, главным образом, чертам их характера, третьи содержат интересные биографические сведения.

В основе моих собственных очерков – выдержки из воспоминаний, опубликованных несколько лет назад в шестом томе моих избранных сочинений.

Жизнь Института представлена в этих очерках-воспоминаниях не во всем ее многообразии, не все яркие фигуры, не все подразделения и этапы нашей истории упомянуты. Но замысел книги и не предполагал такого систематического описания. Вместе с тем, все включенные в книгу тексты – это отнюдь не механическая коллекция разрозненных мемуаров, не просто воспоминания, собранные под одной облож-

кой. Во всех присутствует общий подтекст, отражающий замысел книги – сохранить связь времен и поколений, помнить прошлое ради будущего.

Этими чертами книга отличается от изданных прежде воспоминаний о людях Института, о путешествиях, о нашей истории. И в этом, на мой взгляд, ее ценность.

Директор Института географии РАН академик В. М. Котляков

Замысел и построение книги

О замысле этой книги мы договорились, сидя за обеденным чаем в доме на Старомонетном, в маленькой 35-й комнате со сводчатыми потолками – в одной из комнат нынешнего отдела физической географии.

Мы говорили о первом поколении сотрудников Института. Мы почувствовали, что оно отдаляется от нас, что память о нем уходит из нашего сообщества. Оказалось, следующее поколение – присутствовавшие здесь же наши молодые коллеги – почти не знает основателей Института, определивших его лицо, тематику и стиль исследований. Мы ощутили возможный разрыв времени как угрозу. Или тут нет угрозы, и ход вещей естественен?

Возможно. Но несколько человек признались, что хотели бы услышать о том, что помнят другие. Помнят не столько о внешней канве событий, сколько об атмосфере времени, о людях, о том поле, которое они вольно или невольно создавали вокруг себя.

Мы не имели в виду исключительно лишь наших учителей, только лишь ярких, незаурядных, признанных лидеров. Их, безусловно, тоже. Прежде всего, мы имели в виду атмосферу, ветры времени.

У каждого из нас память о них, несомненно, отчасти своя. В ней живут, ее формировали разные люди, разные обсто-

ятельства времени. Нам показалось, нужно попытаться сохранить все их разнообразие, чтобы увидеть в этой пестрой картине главные черты, объединявшие наших предшественников, и в какой-то мере передавшиеся последователям. Сохранить эти черты ради связи поколений и как желанный и возможный элемент будущего.

Так мы договорились написать несколько страничек каждый. О ком и о чем захочется. Без общего плана, но с общей целью – не упустить время.

Разумеется, стержнем такого ансамбля или коллекции наших записей должен был стать Институт. Но не исключительно он. Ведь мы все пришли в Институт не детьми, наше вхождение в географию – это тоже атмосфера времени. Да и люди Института встречались нам не только в его стенах.

Мы договорились, что не станем писать портреты живущих рядом современников. Другое дело – об ощущении происходящего сейчас и здесь, у нас в Институте. Но по возможности в контексте его связи с прошедшим.

Вначале нас было четверо. С общего согласия я взялся оповестить о нашем замысле коллег из других отделов, собрать их заметки, если таковые появятся, затем выстроить макет книги. Откликнулось несколько человек, потом еще и еще. Но не все потенциальные авторы согласились написать несколько страниц. Жаль, это сузило содержание книги, хотя я старался сделать ее возможно более репрезентативной нашей истории. Я считал, например, совершено необходимым

включить в книгу очерки о наших основных полевых станциях. Я стремился также получить описания тематически разнообразных экспедиций, однако сделать это оказалось нелегко.

Удалось собрать более восьмидесяти текстов. Разных по стилю, по жанру, по содержанию, по объему – как и было задумано. Они сгруппированы в три раздела. Третий содержит воспоминания о людях, оставивших глубокий след в памяти коллег и в жизни Института. В этом разделе чуть менее пятидесяти статей, посвященных тем сотрудникам Института, о которых предложили или согласились написать наши коллеги. Два других раздела – об экспедициях и полевых станциях и об Институте в целом или о его лабораториях и отделах – уже по охвату темы, что кажется вполне объяснимым. Прежде всего, потому, что число лабораторий и наших экспедиций меньше числа работавших в Институте сотрудников. Но, вероятно, еще и потому, что написать портрет учителя или коллеги, каким он нам видится, пожалуй, в какой-то мере легче, чем хронику путешествия или лаборатории, поскольку можно обращаться лишь к своей памяти и не сверяться со множеством источников.

А таковых немало. Наиболее современный и подробный это объемный том, выпущенный к 90-летию нашего Института[1]. Он содержит огромный материал преимущественно

[1] Институт географии и его люди. К 90-летию со дня образования / сост. Т. Д. Александрова; отв. ред. В. М. Котляков; М.: Наука, 2008. 677 с.

справочного характера и лишь несколько очерков в жанре воспоминаний, окрашенных личным взглядом авторов.

Существует еще серия книг, написанных сотрудниками Института и посвященных описаниям жизни, путешествий и творчества – своих собственных или высоко ценимых коллег. Биографии многих сотрудников Института охарактеризованы в журнальных статьях.

Перечислять здесь все эти источники и снова излагать историю Института – задача, выходящая за рамки нашей книги. Мы стремились к другой цели – передать читателям, особенно молодым, ценные на наш взгляд элементы нематериального наследия – исследовательские установки и побуждения, стиль работы, выразительные детали быта, характер отношений и всю атмосферу, присущие академическому научному сообществу, частью которого является наш Институт.

Все эти элементы присутствуют в предлагаемых очерках. Присутствуют и повторы, точнее сказать – вариации одного и того же сюжета или образа. Они сохранены умышленно ради полифоничности картины. Насколько она получилась целостной и насколько удалось осуществить задуманное – судить читателю.

Более половины очерков сопровождаются фотографиями из архивов авторов, из фондов Института, из других собраний. Ко многим очеркам найти иллюстрации, к сожалению, не удалось. Некоторые очерки, посвященные нашим коллегам, включают рисунки Алексея Давидовича Арманда, часто

выполненные в стиле добрых шаржей.

При подготовке рукописи большую помощь мне оказывали многие коллеги. Особенно значителен вклад Светланы Борисовны Сусловой, форматировавшей и выверявшей все тексты. Арсений Валерьевич Кудиков сканировал и правил фотографии, нередко потускневшие от времени. Андрей Александрович Медведев оформил обложку и форзацы книги. Неизменно доброжелательно и конструктивно на мои предложения откликались авторы очерков. Владимир Михайлович Котляков активно поддержал замысел книги и помог ему осуществиться и организационно, и как опытный редактор.

Всем коллегам я приношу искреннюю благодарность.

Москва, август 2012 г. А. В. Дроздов

Часть I. В лабораториях, отделах, в Институте

А. В. Дроздов
О школе Андрея Александровича Григорьева (1883–1968)

Физикогеограф, академик АН СССР, лауреат Государственной премии. Один из создателей нашего Института,

его руководитель (1924–1951), зав. отделом истории географии (1951–1963), затем консультант, старший научный сотрудник.

Способы освоения эмпирического материала, манера представления результатов, стиль мышления – все это важнейшие, сущностные черты той или иной школы, будь то школа художественная или научная. Различать школы и воспринимать их достижения (а ведь нам интересны именно достижения, интересен опыт школы, открывающий путь к мастерству) нельзя, не обращаясь к этим ее отличительным особенностям. Жизнеспособность, влиятельность, продуктивность школы, безусловно, определяется отнюдь не только содержанием идей, разрабатываемых ее представителями. Важнейшая роль здесь принадлежит характеру, стилю отношений между членами школы. Мы прекрасно знаем – атмосфера, воздух школы могут быть весьма плодотворны, но могут быть и не слишком плодотворны для возникновения и развития новой идеи или нового замысла, для их переосмысления и распространения.

Как известно, школа А. А. Григорьева не имела таких четких организационных рамок, какими обладают современные вузовские или академические школы. У Андрея Александровича, кажется, не было формальных учеников – аспирантов или дипломантов. В публикациях коллег, характеризующих научное творчество А. А. Григорьева, в рабо-

тах биографического характера, я не встречал сведений о Григорьеве-учителе. Исключением является, вероятно, статья Ф. Н. Милькова о его пребывании у Андрея Александровича в докторантуре (Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 61–66).

В этой ситуации важно было бы документировать и опубликовать и другие свидетельства такого рода, сохраняющиеся в нашем сообществе пока еще в устной форме. Некоторые из них будут изложены ниже (см. очерк «Воздушные пути григорьевских идей» в этой книге). Но обратимся к опубликованным материалам, характеризующим григорьевскую школу.

Тут следует заметить, что «при кажущемся обилии публикаций по проблеме исследователи до сих пор не дали однозначных ответов на целый ряд вопросов: что вообще объединяется понятием «научные школы»? Как изменяются научные школы в процессе своего развития? каков их «жизненный цикл»? Почему в современной западной науке нет научных школ, и о них принято говорить только в историко-научном контексте? Как вычленять «живую часть» научной школы?»[2]

Попытаемся, тем не менее, выделить существенные особенности творчества А. А. Григорьева, влиявшие на работы многих его последователей и, разумеется, на направления

[2] Куперштох Н. А. Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки – Новосибирск, 2005. № 2 (25).

исследований в руководимом им Институте.

Вот как сам Андрей Александрович в 1944 г. («Как развивалась моя научная школа», Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 44–53) описывает формирование и существо своих научных воззрений.

Из известных географов учителями, повлиявшими на его творчество, А.А. называет А. Геттнера и У. Дэвиса. Лекции обоих Григорьев слушал во время учебы в Германии.

Основными идеями, которые он выдвинул и разработкой которых занимался, А.А. считает анализ географических процессов и представление о едином процессе, представления о структурах, соответствующих этим процессам, о взаимосвязях природных компонентов, о балансах вещества, о морфологической структуре земного шара. Своими учениками, развивавшими его идеи, Андрей Александрович называет СВ. Калесника, Г. Д. Рихтера, В. П. Зенковича, СН. Матвеева, Л. А. Чубукова, Д. Н. Абрамовича, И. П. Герасимова, К. К. Маркова, Г. Н. Максимовича (химическая география), отчасти В. М. Четыркина (районирование).

Остается неясным одно обстоятельство. Андрей Александрович не называет В. И. Вернадского в числе исследователей, повлиявших на его творчество. Между тем, работая в КЕПСе, он был лично знаком с Владимиром Ивановичем и, казалось бы, излагая свои представления о географической оболочке, должен был не один раз упомянуть его труды. Ведь григорьевская концепция органически связана с уче-

нием Вернадского о биосфере и его анализом оболочечного строения Земли. Может быть, как заметила Т. Д. Александрова (устное сообщение), дело в том, что А.А. воспринимал Вернадского как геохимика, а не как географа.

Характеризуя особенности школы А. А. Григорьева, В. С. Преображенский («Основные вехи творческого пути А. А. Григорьева», Изв. РАН, сер. геогр. 1997. № 5. С. 53–61) выделяет ее следующие черты:

• вследствие своей широты школа перешагнула стены Института географии; об этом свидетельствуют имена учеников и соратников: СВ. Калесника, М. И. Будыко, Ф. Н. Милькова, И. М. Забелина;

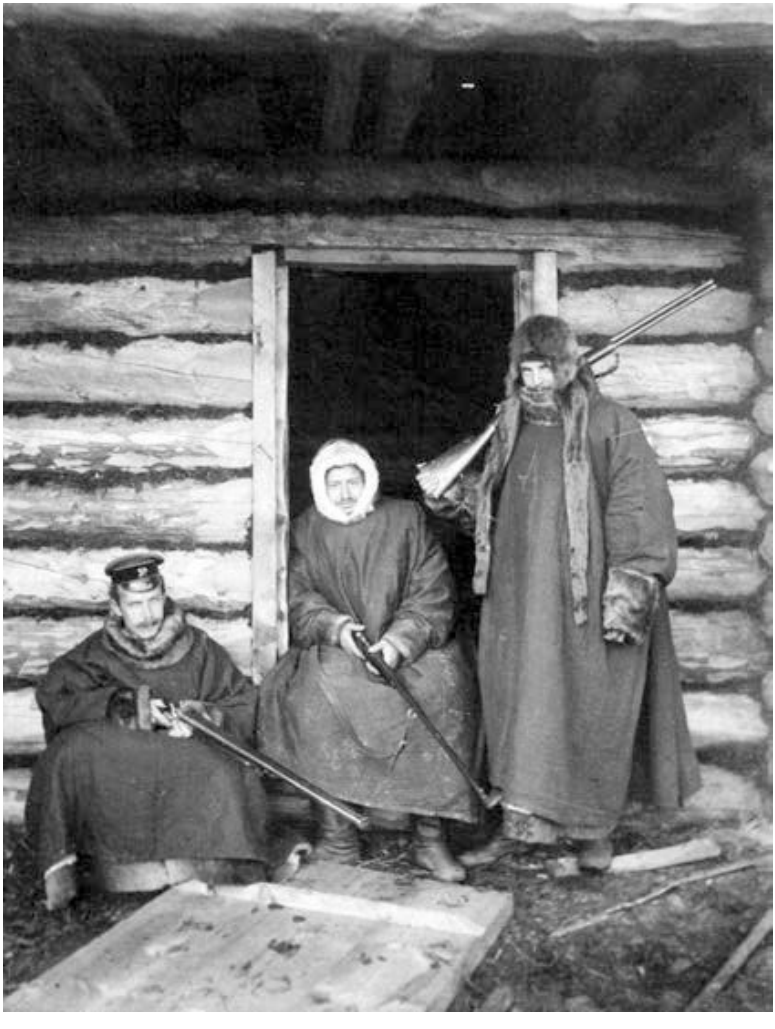
• в формировании школы участвовали на только ученики; это пришедшие в Институт Б. Л. Дзердзеевский, М. И. Львович, Л. Л. Россолимо; они изучали географические процессы, владели балансовым методом;

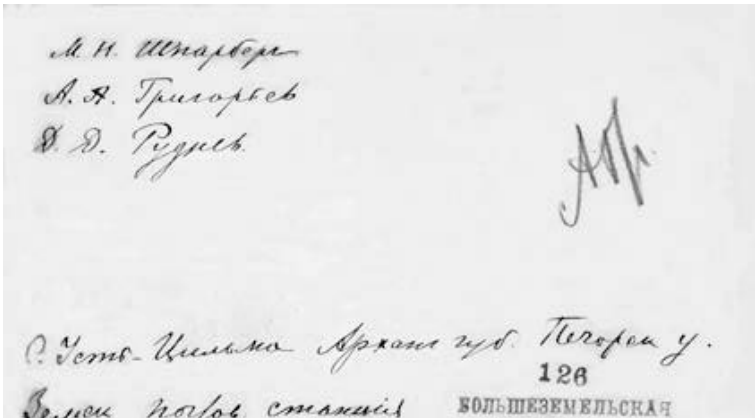
• наиболее удачными концепциями, развивавшимися в рамках школы, были идеи А. А. Григорьева о географической оболочке и едином физико-географическом процессе.

К этим привычным характеристикам добавляются реже упоминаемые, но тоже важные черты творчества А. А. Григорьева. Во-первых, это его интерес к социальным и экономическим аспектам географии. Примером может служить одна из самых ранних статей на эту тему, опубликованная в 1922 г. «Экономическая география как географическая дисциплина и вопросы районирования» (Географический вест-

ник, Т. 1. Вып. 2-3. С. 16–21), а также работы последующих лет – вплоть до 1930 г., когда, как отмечает В. С. Преображенский (Известия. 1997), А.А. под давлением обстоятельств оставил эту тему. Во-вторых, стоит напомнить об интересе Григорьева к страноведению, к региональным исследованиям. Возможно, это направление его творчества сложилось еще в ранние годы учебы и работы в «Новой энциклопедии Брокгауза и Эфрона».

Много шире, чем перечень фамилий учеников, приведенный выше, действительный круг соратников. Об этом прямо свидетельствуют посвящения, которые мы обнаруживаем на книгах, подаренных Андреем Александровичем коллегам. Так, на титульной странице одной из своих теоретических монографий он написал: «Моему испытанному соратнику Мурзаеву Э. М. на добрую память».





Как же описать школу А. А. Григорьева в нескольких словах? Процессная? Оболочечная? Балансовая? Геофизическая? По-видимому, совокупностью всех названных выше научных идей эту школу охарактеризовать нельзя – их много и они весьма разнообразны. На мой взгляд, не характеризуют специфику школы А.А. и его работы социально-экономического, страноведческого и регионального направлений. Существует, однако, некое обобщение, которое включает, как мне кажется, главные особенности всего творчества Григорьева. Это обобщение принадлежит В. Бунге (Теоретическая география. М.: Прогресс. 1962. 203 с): «Вне зависимости от характера и вида перемещения оно оставляет след на Земле, иначе говоря, участвует в создании ее геометрии.

В свою очередь геометрия вызывает перемещения». В этой формуле присутствует вечная тема географии – связь морфологии и процессов. Именно она составляет существо исследований А. А. Григорьева. И она же продолжает питать исследования во множестве отраслей географии. Достаточно вспомнить ландшафтно-геохимические арены М. А. Глазовской (1967), структуры почвенного покрова В. М. Фридланда (1972), граничные поверхности в океане Т. А. Айзатулина, В. Л. Лебедева и К. М. Хайлова (1976), нуклеарные геосистемы А. Ю. Ретеюма (1980).

Поэтому школу А. А. Григорьева, вернее – сквозную тему его творчества – я назвал бы процессно-морфологической.

Пожалуй, одна из самых характерных работ Андрея Александровича, непосредственно посвященных этой теме, это его «Опыт характеристики основных типов физико-географической среды». Работа была написана в 1938-1942 гг. Вот как сам автор говорит о ее замысле: «Данная работа, состоящая из четырех частей, опубликованных в разные годы, ставила своей целью охватить все существующие на Земле основные типы физико-географической среды, обрисовав их в первую очередь с точки зрения протекающих в них процессов и их интенсивности, а равно с точки зрения типичных для них балансов вещества и энергии»[3]. Этой работе предшествует менее детальная публикация 1937 года, название

[3] А. А. Григорьев. Типы географической среды. Избранные теоретические работы. М.: Мысль. 1979. 75 с.

которой еще полнее соответствует теме «процессы – морфология». Это «Опыт аналитической характеристики состава и строения физико-географической оболочки земного шара»[4].

В многослойной картине творчества А. А. Григорьева с отчетливостью вырисовывается еще одна весьма существенная особенность, к которой хотелось бы специально привлечь внимание читателей. Суть ее в том, что в григорьевской школе не только ученик, а точнее сказать коллега-последователь мог многому научиться у мэтра. Андрей Александрович тоже учился, сотрудничая, а подчас и достаточно резко споря со своими сотрудниками. И, несмотря на вспыльчивый характер, признавался в неправоте, если убеждался в справедливости критических высказываний, убеждался – и менял свои суждения. Так он реагировал, в частности, на критический разбор его взглядов Д. Л. Армандом (см. ниже очерк «Воздушные пути григорьевских идей»).

Этими чертами григорьевской школы, на мой взгляд, определялись многие особенности научной жизни нашего Института при Григорьеве, сохранялись они и позже. Могу свидетельствовать – именно таков был стиль горячих дискуссий на заседаниях Ученого совета Института в 1960-е годы и позже. Я хорошо помню, например, столкновение взглядов «эолистов и акваистов» на происхождение рельефа пустынь – Б. А. Федоровича и А. С. Кесь с одной стороны и СЮ. Геллера и В. Н. Кунина с другой. Убедительнейшие ар-

[4] Ibid, С. 9–71.

гументы выдвигались этими яркими людьми, выдающимися знатоками Средней и Центральной Азии. Мне казалось – примирить их невозможно. Но вот в дискуссию вступали Э. М. Мурзаев и И. П. Герасимов. И я понимал – простого ответа «или – или» быть не может. Проблема сложна и нужно общими усилиями приближаться к ее разрешению, принимая во внимание правоту и эолистов, и акваистов в отдельных конкретных ситуациях.

А каково будущее не только стиля школы, но самих идей Андрея Александровича? Отчасти на этот вопрос отвечает список лауреатов премии имени Григорьева. Она присуждалась шесть раз. Четырежды – сотрудникам нашего Института. Вот список лауреатов:

• 2009. Владимир Михайлович Котляков и Анна Игоревна Комарова. За книгу «География: понятия и термины. Пятиязычный академический словарь».

Фотография 1950-х годов.

• 2006. Викторов Алексей Сергеевич. За монографию «Основные проблемы математической морфологии ландшафта».

• 2003. Арманд Алексей Давидович. За монографию

«Эксперимент «Гея». Проблема живой земли».

• 2001. Гросвальд Михаил Григорьевич. За монографию «Евразийские гидросферные катастрофы и оледенение Арктики».

• 1997. Величко Андрей Алексеевич. За серию работ по эволюционной географии.

• 1995. Будыко Михаил Иванович. За монографию «Эволюция биосферы».

Мы видим – премия действует. Сквозная тема творчества Андрея Александровича, очевидно, развивается – ведь для географии она «вечная». В нашем Институте регулярно проводятся «Григорьевские чтения» – тематические заседания Ученого совета.

Может быть, григорьевское понятие «географическая оболочка» утратит свою актуальность. Может быть, неактуальными станут представления о «едином физико-географическом процессе». Важно другое – нам нужно заботиться о том, чтобы в Институте сохранился присущий григорьевской школе стиль отношений между коллегами. Он естественен для академического сообщества.

А. В. Дроздов
Воздушные григорьевских идей

«Это были воздушные пути, по которым, как поезда, ежедневно отходили… мысли… Это были пути, установленные на уровне, достаточном для прохождения всяческих границ…»
Б. Л. Пастернак, 1924

Какие бы не предлагались критерии для различения научных школ, важнейшими особенностями каждой школы, ее отличительными чертами – наряду с другими – будут всегда стиль мышления, присущий создателю школы, и характер его отношений с последователями и коллегами. И если первая особенность школы, как правило, достаточно отчетливо запечатлевается в письменных источниках, то о второй мы узнаем обычно из источников устных, причем не так уж и часто. Между тем, атмосфера общения внутри школы – вещь чрезвычайно важная. По влиянию на распространение идей школы, очевидно, не менее важная, чем роль опубликованных текстов.

Об атмосфере григорьевской школы, о тех, говоря словами Пастернака, «воздушных путях», по которым отправлялись в научное сообщество идеи Андрея Александровича. Мне в 60-е годы несколько раз приходилось слышать рассказы Д. Л. Арманда и М. И. Будыко. Был я и свидетелем по-

учительных событий. Вот что помню наиболее ярко.

В 1963 году Давид Львович Арманд отправил меня, стажера, только что принятого в Институт географии, на учебу в Ленинград – в Главную геофизическую обсерваторию, директором которой был тогда Михаил Иванович Будыко. Мне предстояло осваивать там геофизические подходы к изучению ландшафта. Разумеется, готовясь к поездке, я принялся перечитывать классические работы Григорьева, Будыко и Арманда о связях растительного покрова и других компонентов ландшафта с климатом. Обнаружились некоторые противоречия, как казалось, мнимые. За разъяснениями я обратился к Давиду Львовичу. Времени для беседы у него было очень мало, он только успел мне сказать, что ряд суждений Андрея Александровича о радиационных рубежах считает ошибочными.

И к Григорьеву, и к Будыко, и к Арманду с первых лет учебы в МГУ я испытывал глубочайший пиетет. Я и помыслить не смел тогда, что кто-либо из них может ошибаться. Так и уехал в Ленинград с чувством некоторой неловкости.

Михаил Иванович сразу дал мне интереснейшее задание – собрать и обобщить новые сведения о зональных величинах продуктивности растительного покрова, о количестве почвенной органики и о других параметрах биологического круговорота для статьи, задуманной им вместе с Андреем Александровичем.

Многие из нужных материалов я собирал в Москве и од-

нажды, посчитав их более или менее подготовленными, робея, впервые пришел к Андрею Александровичу. Ведь мне приходилось в Институте слышать о вспыльчивом, «персидском» характере Григорьева. Андрей Александрович посмотрел материалы, взял небольшой лист бумаги и принялся что-то писать, затем с улыбкой протянул листок мне. Это была рекомендация. Мне предлагалось представить собственную статью в «Доклады Академии наук». Я оторопел, ушел смущенный, поскольку никакой статьи в «Доклады» представлять не собирался – я ведь только исполнял тогда замысел и поручение Михаила Ивановича. Но конечно же, запомнил щедрость, мягкость, доброжелательность Андрея Александровича.

Потом у меня была возможность и необходимость подробно поговорить об этих материалах с Михаилом Ивановичем. Объясняя построение готовящейся статьи, он очень тепло рассказывал мне о своей работе с Андреем Александровичем. И вдруг спросил: «А как поживает Давид Львович? И по-прежнему ли столь же остер на язык, блестящ, неотразим и конструктивен в своих критических речах? Помню, – сказал Михаил Иванович, – нам тогда с Андреем Александровичем очень от него доставалось».

Позже от Давида Львовича я узнал – имелись в виду его выступления на теоретическом семинаре в Институте географии еще в 40-х годах, когда он, будучи, вероятно, младшим научным сотрудником, подверг серьезной критике

взгляды своего директора – теорию радиационных рубежей и представления об интенсивности физико-географического процесса.

В рабочем кабинете. 1953 г.

С «дискуссией» – травлей Андрея Александровича, развернутой после лысенковской сессии ВАСХНИЛ, те семинары не имели ничего общего ни по стилю, ни по сути дела. Я вполне почувствовал это, когда готовил к печати стенограммы тогдашних выступлений Давида Львовича[5]. Дело в том,

[5] 1) О теории радиационных рубежей, март 1948 г. 2) О законе интенсивности физико-географического процесса, 1948 г. Опубликованы в сборнике избран-

что Андрей Александрович не только сердился на молодого коллегу. А так оно и было, я знаю об этом от самого Давида Львовича. В сердцах, директор советовал Давиду Львовичу никогда не заниматься теорией физической географии. Но, остыв от гнева, исправлял свои труды. Тем более, что как мы видим теперь из опубликованных стенограмм, Давид Львович предлагал очень полезные уточнения к теориям мэтра. Вплоть до конкретных формулировок.

Очевидно, так и должна развиваться серьезная научная школа. Сколь бережно относились ученики и коллеги к идеям Андрея Александровича, как ценили его научное наследие и как хранили – все это я ощутил и сам, однажды невольно спровоцировав весьма резкую дискуссию.

Это случилось в Ленинграде, в 1966 году, на первом Всесоюзном совещании по Международной биологической программе. Там я неожиданно оказался третьим по очереди докладчиком на первом пленарном заседании. Виновницей была Наталия Ивановна Базилевич, предложившая мне интерпретировать ее и Леонида Ефимовича Родина новейшие материалы о продуктивности основных растительных сообществ мира, используя методы А. А. Григорьева и М. И. Будыко.

Мне было 25 лет. Помню, у меня не оказалось подобающего моменту костюма. Но вывесив один небольшой рисунок,

---

ных трудов Д. Л. Арманда «Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов» (М.: Наука, 1983).

демонстрирующий график связей продуктивности с климатом, я забыл о смущении и свои соображения высказал довольно бойко. Новый материал тогда позволил мне предложить уточнения к классической схеме Григорьева-Будыко. Михаил Иванович тотчас мне попенял, указав на некоторый дефицит данных, который должен был бы предостеречь меня от слишком радикальных выводов.

И тут в дискуссию вступил известный ботаник Сергей Николаевич Тюремнов. Пока он шел к трибуне, Наталия Ивановна шепнула мне: «Тюремнов всегда говорит очень интересные и важные вещи, слушай внимательно». Сергей Николаевич был краток. Он сказал буквально следующее: «Вот тут некий молодой человек показал нам какие-то графики, какие-то кривые. Но учтите, молодой человек, – тут он обратился прямо ко мне, – кривая Вас не вывезет». Сказал и замолчал.

Что мне было делать? Я тоже молчал. А вот Михаил Иванович, оставив в покое меня и мои промахи, немедленно произнес блестящую речь в защиту идей Андрея Александровича.

Потом он пригласил меня для специального разговора и чрезвычайно интересно и увлекательно рассказывал, как пришел к мысли о фундаментальной роли некоторых критических значений индекса сухости, опираясь на результаты вегетационных опытов. Он вполне убедил меня тогда, хотя позже у меня вновь появились сомнения. И, кажется, Миха-

ил Иванович согласился с некоторыми из них.

Но не в этом дело. Важны стиль и суть, как публичных дискуссий, так и частных научных бесед учителя и ученика, нацеленных на выяснение подлинного смысла вещей. Только такой стиль, такая атмосфера плодотворны для сохранения и развития научной школы. И только в таком воздухе, по таким незримым воздушным путям глубокие идеи преодолевают всяческие барьеры и границы.

В. П. Чичагов

Судьба Сергея Николаевича Матвеева и дух дружбы и взаимопомощи в ИГАНе

Сергей Николаевич Матвеев был одним из трех репрессированных в советское время сотрудников Института географии АН СССР, был хорошим человеком и талантливым ученым. Он погиб незадолго до реабилитации.

Два других имени – Ю. Д. Цинзерлинг и Я. С. Эдельштейн. Оба также погибли в заключении и реабилитированы посмертно. О Якове Самойловиче Эдельштейне есть публикации в «Известиях АН СССР. Серия географическая», № 5 за 1969 год и в книге «Репрессированные геологи». М.: СПб., 1999.

Мы можем гордиться тем, что в трудные годы репрессий, насколько об этом можно судить по имеющимся документам и рассказам коллег, сотрудники Института не только не доносили «органам» друг на друга, но сохраняли дух взаимного уважения и взаимопомощи.

Жизнь Сергея Николаевича оборвалась в расцвете сил, трагически кончилась в рязанской тюрьме. Он был осужден за то, что издал небольшую книгу в соавторстве с опальным сыном опального писателя Леонида Андреева. Друзья в Ин-

ституте географии до последнего дня надеялись вызволить его из тюрьмы. Его институтский товарищ и соратник по работам в Средней Азии, зам. директора института В. М. Кузнецов получил из Рязани два сообщения о нем. В первом, о том, что он болен, переведен из мещерских лесов в Рязанскую тюрьму и может быть освобожден. Дело было ранней весной 1953 г. В. М. Кузнецов приготовил теплые вещи и транспорт для возвращения С. Н. Матвеева в Москву, сообщил об этом М. А. Глазовской, с которой Сергей Николаевич также работал в Средней Азии и сохранял дружеские отношения. Но было поздно, во втором письме сообщалось о смерти С. Н. Матвеева.

В юбилейной монографии «Институт географии и его люди», вышедшей в 2008 г., о С. Н. Матвееве сказано немного: физикогеограф, геоморфолог, в Институте – в 1935–1946 гг.; работал в экспедициях во многих равнинных и горных регионах; занимался физико-географическим страноведением; в 1941 г. при составлении плана новой структуры Института предполагалось назначить его руководителем секции географии капиталистических стран в отделе физической географии. В 1948 г. был арестован по делу сына писателя Леонида Андреева. Умер в 1953 г. в районе Мещерских лесов, где отбывал ссылку. Реабилитирован в 1955 г.

Это третье упоминание о Матвееве в печати, первое было 20 лет назад в статье Э. М. Мурзаева о нем, Б. Л. Личкове и Я. С. Эдельштейне, второе 10 лет назад в книге о репрес-

сированных геологах.

Работая более полувека в Институте географии РАН, я практически ничего не слышал о Матвееве, но был знаком с его двумя интересными книгами – физико-географическим описанием Турции (авторская монография) 1946 г. и о горах Юго-Восточного Казахстана (в соавторстве с Г. А. Авсюком и М. С. Калецкой) 1945 г. Его супруга и соратница М. С. Калецкая – интересный, опытный геоморфолог – работала вместе со мной в отделе геоморфологии, но не упоминала своего супруга, а у меня не было оснований интересоваться им. К тому же я был молод и, когда тебе 23 года, то работы 15–20-летней давности и их авторы выглядят если не раритетами, то уж точно старыми, не привлекают внимания. О Матвееве я ничего не знал, был поглощен организацией путешествий в Китай и Монголию, подготовкой, подчас изнурительной, первых публикаций и проч.

В 1996 г. я впервые познакомился с замечательной горной страной – Горным Алтаем – долинами Бии, Чуи и Чулышмана. Вернулся из экспедиции, погрузился в научную литературу по этому региону и обнаружил содержательную статью С. Н. Матвеева об осыпях долины Чулышмана (1939 г.). Статья выгодно отличалась от известных мне работ по геоморфологии Горного Алтая тщательностью проведенного исследования и методическими подходами. Ее автор изучал строение и динамику осыпей крутых склонов долины Чулышмана, применяя нивелировку и используя прогрессивные под-

ходы немецких ученых. К тому времени у меня был опыт геоморфологических исследований в Азии и Европе, я был знаком с трудами наших зарубежных коллег и мог оценить рассматриваемую статью как соответствующую европейскому научному уровню. Более того, в ней намечались перспективы изучения экзогенной геодинамики горных стран. Образ геоморфолога С. Н. Матвеева стал привлекательным, а его статья необходимой. Я обратился к его супруге М. С. Калецкой с просьбой подарить мне оттиск статьи, через день получил его, перечитал и храню по сей день. Неоднократно рассказывал об этой работе сибирским ученым и по их просьбе дарил им ее ксерокопии.

У меня укрепился научный интерес к С. Н. Матвееву и появился интерес к нему, как личности. В беседе с М. А. Глазовской, работавшей с ним в 1940-х годах в Средней Азии и в Институте географии, я узнал о том, что С. Н. Матвеев был способным, вдумчивым и квалифицированным ученым, владел европейскими иностранными языками; изучая Турцию, быстро выучил турецкий; хорошо знал отечественную и зарубежную научную литературу. Характер у него был спокойный, ровный; это был интеллигентный человек, воспитанный в лучших русских традициях. Будучи мягким и привлекательным, он обращал на себя внимание молодых дам, замечавших его длинные ресницы. Женился он на энергичной М. С. Калецкой, работал с ней в Институте, в экспедициях на Кольском полуострове, Алтае, в Алтайском заповедни-

ке, Казахстане и Средней Азии. Это была дружная, достойная пара. Поскольку вряд ли мы когда-нибудь узнаем о Матвееве, как о личности, что-то новое, обратимся к его трудам, содержание которых хотя бы частично восполнит этот пробел.

Перед составлением упоминавшейся статьи об осыпях долины Чулышмана Матвеев опубликовал в 1938 г. оригинальные, основанные на полевых наблюдениях, статьи о лавинах и о каменных потоках, а в 1940 г. о воздушной волне, вызываемой лавинами. В этих статьях проявились способности ученого в сопоставлении полученных в экспедиции материалов с данными других исследователей.

Приведем несколько примеров. Первый – положив в основу результаты изучения каменных потоков на склонах гор Кольского полуострова, Матвеев создал в 1938 г. крупную обобщающую работу по этой проблеме. В приведенной в ней таблице он привел классификацию каменных потоков, включив в нее пять групп: щебневые потоки, каменные моря, каменные глетчеры, потоки обломков горных обвалов, переходные формы к осыпям и особый тип щебневых потоков, возникающих в результате регулярного падения обломков. Для каждой группы рассматривался характер областей питания, стока и отложения, а также приводились региональные примеры. Последние поражают своим разнообразием, свидетельствуют о высокой эрудиции ученого и его широком географическом кругозоре. Это – Фолклендские о-ва и Урал,

Шпицберген и Альпы, Скандинавия и Шпицберген, Уругвай и Арктика, Памир и горы Сан-Жуан в Колорадо, Тироль и Канада.

Второй пример из упоминавшейся работы об осыпях долины Чулышмана 1939 г. В ней ученый показал, что профиль склона осыпи является результатом взаимодействия процессов подготовки горных пород в области ниши отрыва и процессов денудации в самом конусе и может служить основой для выделения стадий развития осыпей. Особое внимание уделил конечной стадии – стадии зарастания, которая проявляется в 3–4 этапа, «характеризующихся, с одной стороны, определенным систематическим составом растительности, с другой – определенным строем фитоценозов». Для каждого этапа приведены подробные списки мхов, лишайников, травянистых, кустарниковых форм и «деревянистой растительности».

Третий пример. В статье о лавинах 1938 г., на мой взгляд, особый интерес представляют новые для тех лет данные ученого о морфологических последствиях схода лавин. Путем расчетов он показал, что механический эффект лавин огромен и может сравниться с механическим эффектом огромных оползней; формами, создаваемыми «лавинной денудацией» служат лавинные борозды и окаймляющие их валы остроугольных обломков. При движении лавины могут выбрасывать обломочный материал далеко за пределы борозды. Особое внимание в статье уделено морфологическим по-

следствиям лавинного ветра, проявляющимся на расстоянии многих километров по долине, где сошла лавина. Наконец, очень интересны данные о связи между сильными землетрясениями, лавинами и подвижками ледников. С. Н. Матвеев на примере ледника Маласпина показал, что сильное землетрясение 1899 г. вызвало сход многочисленных лавин, накопление огромных масс снега и спустя 6 лет «наступление ледников с неслыханной доселе скоростью»; отметил роль лавин в питании некоторых ледников Средней Азии особого типа, получившего название «туркестанского». Не менее тщательно Матвеев проанализировал и гидрологическую роль лавин.

Все кратко рассмотренные статьи были изданы в престижном академическом географическом издании «Проблемы физической географии». На этом закончился довоенный этап научной деятельности С. Н. Матвеева.

Войну С. Н. Матвеев и М. С. Калецкая провели в эвакуации в Алма-Ате, откуда ездили в экспедиции в горы и на равнины Юго-Восточного Казахстана.

Из трудов военного времени интересна статья С. Н. Матвеева, посвященная борьбе с катастрофическими явлениями грязекаменных потоков (селей) на основе учения о геоморфологических процессах, опубликованная в 1944 г. в Изв. АН СССР, сер. географ. и геофиз. Она является одной из первых работ на эту важную тему.

Выше были приведены примеры из совершенно забытых

статей С. Н. Матвеева. Они в свое время были очень актуальны и в наше время представляют известный научный – историко-географический и методический – интерес.

Немногим более известны монографические работы ученого и среди них книга о геоморфологии гор Юго-Восточного Казахстана, изданная Казахским филиалом АН СССР и Институтом географии АН СССР в 1945 г. в Алма-Ате. Она представляет развернутый текст-объяснение к геоморфологической карте м-ба 1:1 000 000 этого региона. При ее составлении проявились способности С. Н. Матвеева работать и писать в коллективе ученых – его друзей и соратников Г. А. Авсюка, М. А. Глазовской и М. С. Калецкой.

Проводя геоморфологические исследования в Восточном Казахстане, я неоднократно обращался к карте и тексту этой серьезной монографии, отдавал дань тщательности сбора, обработки и обобщения содержащихся в ней геоморфологических материалов.

Географы старшего поколения запомнили и оценили упоминавшуюся в начале статьи книгу С. Н. Матвеева «Турция. Физико-географическое описание» (М.: Изд-во АН СССР, 1945). При подготовке к изданию автор имел сильного оппонента в лице А. А. Григорьева, опубликовавшего на четверть века ранее в журнале «Природа» интересную географическую статью о Турции. В рассматриваемой монографии С. Н. Матвеев показал себя высококвалифицированным физикогеографом и страноведом, знатоком зарубежной, вклю-

чая турецкую, научной литературы по Малой Азии. При этом он, оставаясь геоморфологом, тщательно проанализировал имеющийся в его распоряжении геологический, исторический и геоморфологический материал, а среди последнего важные теоретические представления Вальтера Пенка о роли больших складок в формировании рельефа запада Малой Азии. Материалы его монографии были позже использованы при составлении капитального коллективного труда «Физическая география зарубежной Азии».

При проведении маршрутных геоморфологических исследований в западных и центральных регионах Турции в рамках аридной геоморфологии мне оказали ощутимую помощь материалы монографии С. Н. Матвеева. Выяснилось, что геолого-геоморфологические данные значительно устарели и представляют в основном историко-географический интерес. Зато исторические и археологические данные по особенностям антропогенных воздействий и преобразований, в частности о роли наиболее древних городских поселений, по описаниям природы в античную эпоху и ряд других сюжетов сохранили свою привлекательность.

Мне известны семь работ С. Н. Матвеева – пять статей и две монографии, каждая из них по-своему интересна. О них кратко сказано выше. Знакомство с ними убедило меня в том, что Сергей Николаевич Матвеев – ученый ранней генерации сотрудников Института географии РАН, руководимого А. А. Григорьевым, был разносторонним, способным

и энергичным географом широкого профиля, проводившим полевые исследования в трудных и малоизученных регионах нашей страны, хорошо знавший и умело использовавший научную литературу той эпохи. Это был одаренный и талантливый географ с большим будущим в нашей науке.

Светлую память о нем нужно сохранить для будущих поколений. Может быть, не случайно эту статью о С. Н. Матвееве я закончил 7 января 2011 года – в Светлый праздник Рождества Христова.

От редактора-составителя.

Этот очерк Валерий Павлович Чичагов написал о С. Н. Матвееве как геоморфолог о геоморфологе. Но, конечно же, не мог не затронуть тему, вынесенную в заглавие. И это не случайно. Ведь в истории Института арест и смерть Сергея Николаевича – это исключительный случай. Сотрудники ИГАНа погибали в экспедициях (такова профессия), на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу, но участь многочисленных жертв сталинского террора, охватывавшего все наше общество, их миновала. Навязанные извне попытки организовать процессы над географами Института, подобные тем, что инициировал Т. Д. Лысенко, не удались, хотя и имели место. Кампании против А. А. Григорьева и против Л. С. Берга состоялись, но не завершились трагически.

В институтском коллективе действовал иммунитет

против скандалов, склок, против грязных дел. Пресловутый «пятый пункт» (графа «национальность» в документах советского времени) игнорировался. Дух сотрудничества, доброжелательности, взаимопомощи всегда явственно ощущался в Институте. Об этом пишут практически все авторы очерков, специально выделяя эту тему или говоря о ней «между строк».

Эта атмосфера существовала как будто бы сама по себе, как естественная атмосфера научного сообщества. Но ее поддерживали и оберегали все – и руководители коллектива (от них, разумеется, зависело очень многое), и весь коллектив. Вот характерный пример.

На Курском стационаре Института в Центрально-Черноземном заповеднике работала Елена Константиновна Дайнеко, наш почвовед. Раним утром, по пути на опытную площадку, она встретила посреди заповедной степи человека с мольбертом, писавшего этюд с натуры. Поодаль, тоже на заповедной целине, стояла черная «Волга». Нужно сказать, что сотрудники Института, работавшие на стационаре, всегда помогали егерям заповедника охранять его от нарушителей режима. В заповеднике можно было появляться только с пропуском, подписанным директором, или в сопровождении работников заповедника. Е.К. попросила незнакомца предъявить пропуск. Вначале реакции не последовало. В ответ на вторую настойчивую просьбу человек с мольбертом раздраженно вынул красную корочку – пар-

тийный билет – и показал подпись выдавшего его. Это была подпись Л. И. Брежнева. Незнакомец оказался первым секретарем Курского обкома КПСС. Елена Константиновна резонно заметила, что это отнюдь не пропуск и попросила товарища не нарушать строгие правила охраны заповедника. Товарищ угрожающее посмотрел на Е.К., что-то пробормотал, закрыл мольберт и уселся в свою «Волгу», стремительно укатившую прочь.

Е.К. вернулась на базу стационара и рассказала о своей встрече. Рассказ всех встревожил. И не зря. Через пару часов на стационар на спецмашинах приехали посланцы секретаря обкома и потребовали выдать им некую сотрудницу для допроса и разбирательства. Начальником стационара был Давид Львович Арманд. Он категорически отверг эти требования и попросил передать товарищу секретарю, что немедленно связывается с президентом Академии наук и сообщает о возмутительном поведении товарища. Затем распоряжается свернуть работу стационара, а ЦК КПСС просит разобраться – может ли товарищ, игнорирующий первый декрет В. И. Ленина, как известно, посвященный созданию заповедников, выполнять обязанности первого секретаря обкома.

Посланцы уехали ни с чем. Но через некоторое время в Институт пришло письмо из обкома с требованием наказать Е. К. Дайнеко. Партийное бюро Института для порядка пожурило Е.К., но «спустило это дело на тормозах».

Между прочим, вскоре секретарь обкома лишился своего поста. А наш коллектив воспринял историю как образец естественного, должного поведения сотрудников академического института.

Н. И. Коронкевич
В отделе гидрологии в 1960–1970 гг.

В годы студенчества мечтал работать в Институте географии. Но это казалось мало реальным. В год окончания геофака МГУ (1961 г.) у меня было распределение совсем в другое место. Совершенно неожиданно в день распределения приехал зам. директора ИГ АН СССР Г. Д. Кулагин и предложил мне и Л. Я. Джоган, моей сокурснице, должности ст. лаборантов. От такого предложения мы, конечно, не могли отказаться. До сих пор не знаю истинной причины такого поворота в моей судьбе. Скорей всего, это было связано с запросом М. И. Львовича (см. посвященный ему отдельный очерк), который еще не став зав. отделом гидрологии (это произошло в 1962 г.), но будучи фактическим руководителем (формально во главе отдела был еще М. Ф. Срибный), формировал его кадровый состав. Отдел в эту пору быстро набирал силы. М. И. Львовичу исполнилось 55 лет, он был полон энергии и творческих замыслов после определенного «простоя», вызванного увольнением из Государственного гидрологического института (ГГИ) как космополита, и пребывания в Комплексной экспедиции полезащитного лесоразведения в качестве одного из рядовых сотрудников. Среди таких замыслов была организация экспериментальных воднобалансовых исследований в различных при-

родных зонах, в т. ч. на Курском стационаре. «Правой рукой» М. И. Львовича в то время был А. М. Грин – человек совершенно неуемной энергии и выдающихся организаторских способностей. Грину в 1961 г. было 37 лет и он очень оперативно реализовывал все задумки М. И. Это касалось и формирования кадрового состава отдела, и организации конференций и публикаций, и очень ярко проявилось в организации экспериментальных гидрологических исследований. С 1974 г. в течение многих лет он был руководителем всего Курского стационара. Еще ранее экспериментальные гидрологические работы под руководством М. И. Львовича и А. М. Грина велись под Загорском (теперь Сергиев Посад). Говоря об экспериментальных исследованиях нельзя не сказать о Е. П. Чернышеве. Выпускник Воронежского университета, он еще студентом участвовал в гидрологических экспериментах под Загорском, а через несколько лет возглавил их на Курском стационаре, где и проживал вместе с семьей по существу круглый год вплоть до получения московской квартиры. Он взвалил на свои плечи всю непосредственную работу по строительству воднобалансовых объектов, по снегосъемкам, по наблюдению за стоком и другими элементами водного баланса, за эрозией и вещественным составом вод, став со временем одним из самых крупных специалистов в стране в области ландшафтной гидрологии, особенно в отношении изучения эрозионных процессов и вещественного состава вод. Помимо своих организаторских способностей

Е.П. (а ему в 1961 г. было всего 26 лет) был душой любой компании, но в то же время мог сурово спросить с приезжающих на полевые работы сотрудников отдела гидрологии (Алексея Гумберта, Юрия Куликова, Валерия Ющака, Вячеслава Фатерина и других). Отдел тогда вообще был очень молод. Большинству сотрудников было не более 35 лет, в т. ч. Н. Н. Дрейер, Л. К. Малик.

Н. Т. Кузнецову в 1961 г. был 41 год. И даже самые старшие (В. А. Арефьева, В. Е. Иогансон) лишь немного превзошли 50-летний рубеж.

В отделе царила дружественная атмосфера, живо обсуждались самые разнообразные вопросы, как научные, так и далекие от науки. Регулярно отмечались дни рождения, различные праздники, особенно новогодние, которые с появлением позднее в отделе Г. М. Черногаевой, Г. М. Николаевой, Г. Я. Карасик, А. В. Беляева, А. Г. Георгиади стали выливаться в своеобразные театрализованные представления.

Особенно дружественная атмосфера складывалась во время выездов на полевые работы на Курский стационар – весной, для наблюдения за весенним стоком, и летом при изучении испарения с помощью лизиметров. Но этим наблюдениям предшествовал период строительства воднобалансовых объектов, который и был в самом разгаре в 1961 г., когда я после кратковременного разговора с М. И. Львовичем и А. М. Грином и посещения отдела был командирован на эти строительные работы, на которых провел значительную

часть осени 1961, а также 1962 года. Затем долгие годы с Курским стационаром меня связывали экспериментальные работы в зимне-весенний период и летом. В перерывах много приходилось заниматься камеральной работой в отделе. Лишь в середине 1960-х гг. меня стали приобщать к собственно научной деятельности.

Отдел первоначально располагался в Черемушках в полуподвале одной из пятиэтажек[6]. Рядом находились гляциологи. Тогда это был край Москвы, метро еще не построили. Было много заброшенных частных домиков, пустырей, на которые мы, молодые сотрудники, во время обеденного перерыва летом, если не были в экспедиции, ходили загорать.

В рабочей неделе обычно бывало два ударных дня – вторник и четверг, когда в отдел приезжал М. И. Львович. Впрочем, иногда во вторник он отсутствовал или бывал полдня – когда в Институте назначался Ученый совет. Все сотрудники во время приезда М.И. должны были быть в наличии и готовы отчитаться за выполнение заданий. Обычно он беседовал с научными сотрудниками, а те, в свою очередь, проверяли выполнение работ у лаборантов. Это было время, когда практически у каждого научного сотрудника был, по крайней мере, один лаборант. Общий же объем работ был очень велик. На протяжении долгого времени у отдела гидрологии основными направлениями работы были два: 1) мировой

[6] Лишь в 1970-е гг. переехал в Подколокольный переулок почти в центре Москвы, а затем уже в 1998 г. на ул. Вавилова, где и располагается сейчас.

водный баланс и водные ресурсы мира и 2) антропогенные изменения водного баланса и водных ресурсов. Приблизительно в этом направлении главные работы велись и в ГГИ. Конкуренция, обостренная конфликтами между М. И. Львовичем и рядом сотрудников ГГИ, была налицо. Удивительно, что соперничество между коллективами, насчитывающими немногим более 20 человек в ИГАНе и более 2000 чел. в ГГИ, шло почти на равных. В этом заслуга, прежде всего, М.И., но и всего отдела гидрологии, работавшего по четкому плану и чрезвычайно насыщенно. Приходилось (и это ложилось на плечи в основном лаборантов и младших научных сотрудников) строить бесчисленное число гидрографов (графиков изменения расходов воды в течение года) по всему земному шару, затем расчленять их, выделяя поверхностную и под земную составляющие речного стока, и по клеточкам подсчитывать их соотношение. Несколько облегчало работу, что считали не по всем рекам, а по наиболее репрезентативным, и не за все годы, а за четыре – два средних по водности, маловодный и многоводный. Успеху во многом способствовало то, что в отделе подобрался технический персонал, для которого были характерны высокая работоспособность и очень ответственное отношение к работе.

Это в полной мере было присуще Клавдии Ивановне Алексеевой, Нине Васильевне Котловой и более молодым Аде Предько, Анжелике Кисаровой, Лидии Решетник, Кларе Черноус, Нине Пискуновой, Люде Манышкиной и другим,

в разное время работавшим в отделе в рассматриваемый период. Много времени и сил уходило и на экспериментальные работы на Курском стационаре и обобщение их результатов в обязательных ежегодных отчетах за зимне-весенний и летний периоды. Ну и М.И. и А.М. всячески поощряли молодых сотрудников к написанию статей, выступлению на конференциях. Учитывая весьма напряженные отношения с ГГИ, эти выступления нередко имели стрессовый характер. Такой же характер порой приобретали и защиты. В наибольшей степени это коснулось кандидатской защиты А. М. Грина по динамике водного баланса ЦЧО в середине 1960-х гг., на которой ему пришлось «отбиваться» от многочисленных нападок со стороны ГГИ. Вообще и М. И. Львович и А. М. Грин весьма положительно относились к написанию сотрудниками отдела и довольно большим числом аспирантов кандидатских диссертаций.

Так, меня командировали на месяц в Ленинград специально для завершения кандидатской диссертации. Но дальше кандидатских дело не шло. За все время «правления» М.И. (а это почти 30 лет) ни один сотрудник отдела не защитил докторской диссертации. Защищали докторские, покинув по тем или иным причинам отдел гидрологии. Возможно, сотрудники в силу разных обстоятельств просто «не дозрели» до докторского уровня, но не исключено, что это объясняется чересчур жесткими рамками, в частности методическими, в которых дозволялось творить сотрудникам, воз-

можно, нежеланием иметь конкурента на посту зав. отделом. В пользу такого объяснения говорит крайне болезненное отношение М.И. к инакомыслию, приведшего к уходу на конфликтной основе из отдела самого А. М. Грина, С. Л. Вендрова, П. Ф. Идзона и ряда других ведущих сотрудников.

Вообще, стиль руководства отделом со стороны М.И. представлял собой весьма причудливую смесь авторитаризма и демократии. Нетерпимость к инакомыслию внешне облекалась в весьма демократичные формы ее изъявления. Хорошо помню, как М. И. Львович и П. Ф. Идзон выясняли, кто из них первый предложил шестикомпонентную систему уравнений водного баланса. Не было сказано ни одного ругательного слова, но накал страстей со стороны М.И. определялся, в частности, тем, с какой разной тональностью он неоднократно произносил, обращаясь к Идзону, «дорогой Павел Фридманович»! При жестком контроле над выполнением работ допускалось весьма терпимое отношение к дисциплине посещения отдела. Впрочем, нечто подобное приходилось наблюдать и в других отделах. Все-таки, прежде всего, было дело, а как и где оно выполнялось, было вторичным. Причем иногда ставились весьма жесткие, если не сказать жестокие, требования. Памятен рассказ М. К. Граве. Однажды его пригласил к себе И. П. Герасимов и потребовал к следующему дню выполнить весьма трудоемкую работу. А Граве накануне положил свою жену в больницу. И когда И.П. изложил ему свое задание, он сказал, что ему это трудно бу-

дет сделать, сославшись на данное обстоятельство, академик воскликнул: «Вот и хорошо. Она будет под присмотром врачей, и Вам ничто не будет мешать работать».

Группа сотрудников лаборатории, 2007 г. Слева направо: 1 ряд – Т. С. Бибикова, ЗА. Крылова, А.Г Георгиади, СВ. Долгов; 2 ряд – А. Л. Чепалыга, ИЛ. Милюкова, Е. А. Барабанова, К.С Зайцева, НИ Коронкевич, СИ. Шапоренко, Д. Я. Фащук, Зряд -С. В. Ясинский, В.Н Федоров.

Конечно, наша деятельность не замыкалась рамками отдела. Многие из нас принимали весьма деятельное участие в научно-организационной и общественной жизни Института.

А. М. Грин, Е. П. Чернышев, А. В. Беляев, А. Г. Георгиади, Г. М. Николаева в разное время занимали различные должности по научно-организационной и общественной линии (зам. директора, уч. секретарь, председатель профкома, секретарь партбюро и комсомольской организации и др.). Мне в течение нескольких лет довелось быть председателем институтской организации общества «Знание». При этом приходилось контактировать с массой интересных людей, рассказ о которых выходит за рамки данного повествования. Скажу лишь несколько слов о зам. директорах. Все они, будучи людьми чрезвычайно компетентными, отличались характером и стилем работы. М. И. Нейштадт и Д. А. Лилиенберг, как правило, сразу не подписывали передаваемые им бумаги, а предварительно очень тщательно их изучали и нередко возвращали на доработку. А. М. Грин и СВ. Зонн практически сразу решали – подписать или отвергнуть. Наиболее сложно приходилось с В. С. Преображенским. Как правило, он по много раз заставлял переделывать предлагаемый ему проект текста. Помню, мы с ним пять или шесть раз меняли название моей докторской диссертации.

Но вернемся к отделу гидрологии. Уход ряда ведущих специалистов из отдела, а также отвлечение некоторых сотрудников на общественную и научно-организационную работу в Институте ослабляли отдел. Особенно болезненно сказалось отсутствие А. М. Грина, который был, если так можно сказать, основным «движителем» отдела.

Ощутимый урон отделу нанесло выделение из его состава в 1977 г. группы сотрудников (И. С. Зайцева, Н. И. Коронкевич, З. А. Крылова, Л. К. Малик и др.), вошедших в состав КЭПС (комплексной экспедиции по проблемам переброски стока). Вообще-то М.И. был против такого выделения. Когда возникла «перебросочная» тема, возглавить ее в ИГАНе предполагал С. Л. Вендров, к тому времени ушедший из отдела, давно мечтавший руководить каким-либо подразделением в Институте (в данном случае он предполагал, что такое подразделение будет создано, учитывая значимость этой темы в то время). Но М. И. удалось убедить И. П. Герасимова, что именно он, М. И. Львович, имеет больше оснований для научного руководства оценки влияния на окружающую среду частичной переброски стока северных и сибирских рек на юг – темой, порученной Институту Государственным Комитетом по науке и технике (ГКНТ), при том, что общее руководство возлагалось на Институт водных проблем РАН. М. И. Львович считал, что группе людей из отдела гидрологии, которую должен возглавлять отв. исполнитель, в качестве которого предлагался Н. И. Коронкевич, и под его (М.И.) руководством по силам справиться с заданием ГКНТ. И. П. Герасимов, согласившись с тем, что М.И. должен быть научным руководителем и оставив за собой общее руководство, все же счел, что целесообразно создать новое структурное подразделение – уже упомянутую КЭПС, сформированную как из сотрудников отдела гидрологии, так и из других

подразделений ИГАН. Возглавить ее должен был Н. И. Коронкевич, а в помощь ему и М. И. Львовичу была назначена группа научных руководителей и отв. исполнителей по регионам (подробней об этом, как и других деталях жизни отдела гидрологии и КЭПС см. в книге «Институт географии и его люди» (М.: Наука, 2008)).

Теряя людей и силы (следствием чего в 1988 г. стало объединение отделов гидрологии и климатологии под руководством А. Н. Кренке), гидрологи ИГАНа под руководством М. И. Львовича выполнили в 1980-е гг. целый ряд незаурядных работ, результаты которых отражены в книге М. И. Львовича «Вода и жизнь» (М.: Мысль, 1986) и в коллективной монографии под его руководством «Современная интенсивность внутриконтинентальной эрозии суши и земного шара», 1991.

Но все-таки годами наибольшего творческого взлета отдела гидрологии следует считать 1960–1970-е, когда были разработаны «Основы метода изучения водного баланса и его преобразований» (М.: ИГ АН СССР, 1963), опубликованы книги М. И. Львовича «Человек и воды» (М.: Географгиз, 1963), «Мировые водные ресурсы и их будущее» (М.: Мысль, 1974), А. М. Грина «Динамика водного баланса Центрально-Черноземного района» (М.: Наука, 1965) и ряд других. Горжусь тем, что значительную часть этого периода (1961–1977) я проработал в отделе гидрологии и в какой-то мере причастен к его успехам. Больше того, считаю, что

и моя докторская диссертация и написанная на ее основе книга «Водный баланс Русской равнины и его преобразования» (М.: Наука, 1990) стали результатом работ этого периода под руководством М. И. Львовича и А. М. Грина в тесном сотрудничестве с моими товарищами, некоторые из них (Е. П. Чернышев, Ю. Н. Куликов, Г. Я. Карасик, Г. М. Николаева) уже ушли из жизни. Вечная им память.

Н. К. Кононова
Годы в отделе климатологии

В Институте я появилась в августе 1957 года. На распределении в МГУ, на котором присутствовал Самуил Юльевич Геллер, мне было предложено сдавать экзамены в аспирантуру Института. Я пришла к Борису Львовичу Дзердзеевскому, который тогда руководил лабораторией климатологии в отделе климатологии и гидрологии (отдел возглавлял Марк Исаакович Львович).

Борис Львович познакомил меня с тремя направлениями, которые в то время развивались в лаборатории, и спросил, в какой области я бы хотела работать, если поступлю. Я выбрала циркуляцию атмосферы. В Университете последние два курса я тоже занималась циркуляцией атмосферы у Сергея Петровича Хромова и Веры Михайловны Курганской. Экзамен по специальности принимали Б. Л. Дзердзеевский, Леонид Александрович Чубуков и Ксения Васильевна Кувшинова. Беседовали со мной долго, полтора часа. Под конец я перестала соображать, и, когда Ксения Васильевна спросила, какое самое теплое место в Средней Азии зимой, я сказала, что не знаю. Ксения Васильевна удивилась: «У Вас же об этом написана статья». Действительно, по курсовой работе четвертого курса в «Метеорологию и гидрологию» была сдана статья «О холодных вхождениях в район Иссык-Куль-

ской котловины зимой». Это и есть самое теплое место. Но я все равно ничего не вспомнила. С тем меня и отпустили. Экзамен по физической географии принимали Г. Д. Рихтер и С. Ю. Геллер. Должен был быть кто-то третий, но он не смог, тем не менее, экзамен состоялся. Что спрашивали, и как я отвечала – не помню. Осталась в памяти только атмосфера доброжелательности.

В 1957 г. в Институт пришло много моих сокурсниц: Галя Моисеева, Лида Гайдукова, Надя Корина, Галя Зорина, Галя Погодина, Катя Шацило, Клара Черноус, Рита Чернавина (потом Фаустова). Сначала мы держались вместе, но институтское сообщество быстро приняло нас в свои ряды, нагрузило работой, в том числе общественной, и мы стали реже встречаться.

Из общественных дел помню шефские концерты в каком-то колхозе, куда нас возили на грузовике. Эпопеей была избирательная кампания. Мы были агитаторами. Вдруг выясняется, что в Казачьем переулке в доме на шестом (последнем) этаже обваливается штукатурка с потолка из-за худой крыши. Вся коммунальная квартира отказывается идти на выборы, если не починят крышу и не приведут в порядок потолок. Это ЧП. Явка должна была быть стопроцентной, и мы, агитаторы, за это отвечали. Помню, как Институт через райком партии пытался повлиять на ситуацию. Ответственные лица пообещали людям, что все исправят, и люди поверили, пошли на выборы.

Отдельным мероприятием была работа в подшефном колхозе на прополке и уборке овощей. Запомнилась разница в условиях работы в 60-е и 70-е годы. В 60-е мы жили в палатках, работа начиналась рано, часов в 6, и продолжалась до позднего вечера. Наша бригада работала на уборке капусты. Собирали кочаны в большие корзины и относили их к весам. Колхозники работали вместе с нами. Для приготовления обеда выделялись дежурные по кухне в помощь повару. После работы мы сваливались замертво на спальные мешки. Но такой режим работы мне представлялся нормальным для сельского хозяйства.

В 70-е годы была тенденция уравнять в условиях работы городских и сельских работников. Мы жили в домиках недалеко от конторы. В 8 часов был завтрак, потом нас на автобусе везли на поле. Мы пропалывали свеклу. Колхозники ставили нас на грядки и уходили на свои грядки. Они работали мотыгами, быстро заканчивали работу и уходили с поля до обеда. Мы же пропалывали вручную, работа подвигалась медленно. В час начинался перерыв на обед. Обед (первое, второе и третье) привозили на полевой стан, там под навесом была оборудована столовая: длинные дощатые столы и скамейки. После обеда шли купаться. К работе приступали часа в 3 и работали до шести. В конце рабочего дня приходила та, которая ставила нас на грядки, и принимала работу. Опять купались, потом автобусы везли нас на центральную усадьбу, где в 8 часов нас кормили ужином.

Это, конечно, было легче и удобнее, чем в 60-е годы, но, наверное, требовало большего количества привлеченных горожан. Рядом с нами работали сотрудники Института вычислительной математики, и вообще все поле было занято приезжими из институтов и с заводов. Кто-то из математиков спросил колхозницу, какова дневная норма и какова оплата. Та ответила: «Прополешь грядку – пойдет рубль». «Плачу два, – сказал парень, – и еду кончать свою работу». Все посмеялись. Конечно, никто никого никуда бы не отпустил. Важны были не рубли, а прополотое поле. Наше же потерянное время ни во что не ставилось.

Замечательным мероприятием в 60-е годы был «меридиан» – поездка на юг от Москвы приблизительно по меридиану. Вернувшись, участники выпустили большой фотомонтаж, а кто-то написал такие стихи:

Ты наш друг, меридиан,
Проходя через ИГАН,
Превратил на время нас в автоцыган.
Раз пятнадцать ты петлял,
Возникал и исчезал,
Но никто из нас, как видишь, не страдал.

Между тем научная жизнь в Институте шла своим чередом. В 1958 г. гидрологи и климатологи разделились, образовались два самостоятельных отдела. Отдел климатологии возглавил Б. Л. Дзердзеевский. В отделе было 3 группы:

циркуляционная во главе с Борисом Львовичем, комплексной климатологии, которой руководил Л. А. Чубуков (создана она была раньше Евграфом Евграфовичем Федоровым) и теплового баланса леса и поля. Лесом занимался Юрий Львович Раунер, а полем и влажностью почвы под посевами – Анатолий Иванович Будаговский. После его ухода в Институт водных проблем Юрий Львович объединил обе ветви. Экспедиционные работы велись сначала в Загорске, а потом на Курском стационаре. В книге «Климат и урожайность зерновых культур» он привел подробный каталог засух в зерновой зоне Северного полушария.

Наша циркуляционная группа под руководством Б. Л. Дзердзеевского занималась составлением Календаря последовательной смены элементарных циркуляционных механизмов (ЭЦМ) с 1899 г., а на основе этого Календаря – многолетними колебаниями циркуляции атмосферы. По данным метеорологического справочника World weather record мы изучали связи с этими колебаниями многолетнего хода температуры воздуха, атмосферных осадков и атмосферного давления в разных странах. Были выявлены циркуляционные эпохи и их метеорологические характеристики в Северном полушарии в целом и в разных его секторах.

Группа комплексной климатологии под руководством Л. А. Чубукова занималась характеристикой климата в погодах, т. е. выявлением соотношения различных классов погоды в течение года по средним многолетним данным. В этой

группе было много аспирантов из союзных республик. Разработки широко использовались в курортологии и медицинской географии.

У Л. А. Чубукова мы каждый год праздновали масленицу. У него 19 января был день рождения, в этот день он нас и приглашал. Его группа пекла блины, а мы приносили что-нибудь к столу. Жил он тогда в покосившемся деревянном доме, мы заваливались к нему всем отделом, 30 человек. За большим столом места хватало всем. Потом пели и танцевали. Леонид Александрович был радушным хозяином, весело шутил и отлично танцевал.

1960-е годы были периодом похолодания после глобального потепления 30–40-х годов. Не все отнеслись к этому явлению как к временному, на смену которому обязательно придет потепление. Некоторые предрекали постоянное похолодание вплоть до нового ледникового периода.

Такое предположение порождало желание выдвинуть способы защиты от грозящей беды. Один такой способ придумал инженер Петр Михайлович Борисов. Он предложил построить плотину через Берингов пролив, чтобы оградить от губительного влияния Арктики наш Дальний Восток и дружественный нам Китай. На это изобретение он взял патент. Вероятно, свое предложение П. М. Борисов высказал на достаточно высоком уровне, поскольку его вместе с его идеей спустили к нам в Институт, чтобы Институт разобрался и дал свое заключение.

Я слушала его доклад Ученому совету Института. Все выступления после доклада были направлены против его идеи, но Борисов оказался человеком упрямым. Его зачислили в наш Институт, вскоре он защитил кандидатскую диссертацию и продолжал работать у нас, а его доклад на Ученом совете дал начало постоянно действующему семинару по колебаниям климата, который вел И. П. Герасимов.

Семинар был очень интересным. С докладами приезжали Олег Алексеевич Дроздов, Евгения Самойловна Рубинштейн, Михаил Иванович Будыко. Михаил Иванович уже тогда усиленно проповедовал идею антропогенного потепления от увеличения концентрации углекислого газа в атмосфере. Олег Алексеевич возражал ему, что в прошлом были периоды, когда потепление проходило на фоне пониженного содержания CO_2 в атмосфере. Это сейчас по ледяным кернам Антарктиды показано, что сначала шло глобальное потепление, а потом увеличение концентрации углекислого газа, что логично: в теплом океане содержится меньше газов, они выделяются в воздух. Но сейчас, несмотря ни на какие научные данные, многие настроены на борьбу с бесконечным антропогенным потеплением. Это зеркальное отражение того, что происходило в 60-е годы.

Группа сотрудников лаборатории, 2010 г. Слева направо: М. М. Чернавская, В. В. Попова, А. Б. Шмакин, АЛ. Золотокрылин, В. В. Виноградова, Т. Е. Титкова, А. Ю. Михайлов, Н. К. Кононова, Д. В. Турков, Е. А. Черепкова.

В Институте ежегодно проводились конференции молодых ученых и издавались доклады под названием «Географические сообщения». Нас тогда было много, так что в сборнике докладов VII конференции, изданном в 1961 г., оказалось 32 доклада общим объемом 114 с. Участвовали сотрудники и аспиранты всех отделов. Ответственным редактором сборника был Г. Д. Рихтер.

У Бориса Львовича было много всевозможных нагрузок:

он был членом нескольких Ученых советов и членом ВАКа. В ВАКе он вел записную книжку, в которую записывал интересные высказывания, а потом читал их нам. Однажды он прочитал такое: «У них другая точка зрения, отсюда и фактические данные». Тогда это казалось очень смешным, а теперь я понимаю, что в море данных всегда можно найти такие, которые подтвердят определенную точку зрения.

С кончиной Бориса Львовича жизнь циркуляционной группы стала трудной. Руководителем группы был назначен Георгий Николаевич Витвицкий. Трудно представить себе более неудачный выбор. Группа занималась колебаниями климата, а Георгий Николаевич был убежден, что климат не меняется. Он признавал только межгодовую изменчивость: год холодный – год теплый; год влажный – год сухой, а в среднем ничего не меняется. Наши статьи по циркуляционным и климатическим эпохам его раздражали, он не разрешал нам их печатать. Мы искали обходные пути.

В 1974 г. издали сборник статей «Исследования генезиса климата», который начали собирать еще при Борисе Львовиче. Он даже успел написать в него большую статью. Ответственным редактором сборника мы попросили быть К. В. Кувшинову.

Некоторые работы, в которых был помещен большой фактический материал, мы публиковали через Междуведомственный геофизический комитет. В 1978 г. вдруг выясняется, что в Междуведомственном геофизическом комитете

за нами по КАПГ числится сборник «Колебания климата в XX столетии», который надо сдавать немедленно. Так мы его собрали мгновенно: вынули из ящиков столов работы, которые годами не могли провести через Георгия Николаевича, получили рецензии от Ноны Алексеевны Мячковой и Александра Христофоровича Хргиана из МГУ и сдали в редакцию. Георгий Николаевич согласился стать его ответственным редактором. В 1979 г. сборник был издан Междуведомственным геофизическим комитетом при Президиуме АН. Последняя крупная совместная работа сотрудников циркуляционной группы, работавших под руководством Б. Л. Дзердзеевского, – коллективная монография «Циркуляционные механизмы современных колебаний климата», ответственный редактор К. В. Кувшинова. Книга вышла в издательстве «Наука» в 1987 г.

С кончиной Л. А. Чубукова перестала существовать группа комплексной климатологии. Какое-то время его ученики продолжали исследования в этом направлении в Институте курортологии и в регионах, но с уходом старшего поколения и там эти работы прекратились.

Из забавных моментов в нашей тогдашней жизни можно вспомнить занятия по гражданской обороне. Сокращенно она писалась «гр. об»., а произносилась «гроб». Руководил этими занятиями Виктор Филькин. Отличившимся на занятиях выдавалась грамота за его подписью. Эти грамоты тут же получили прозвище «филькиных». Помимо лекций,

которые мы слушали в зале, полагались еще и практические занятия. На одном из них надо было потушить пожар огнетушителями, которые висели у нас в Институте. Кто-то предложил поехать в лес, развести там костер, посидеть у него, попеть песни, а потом потушить. Идея понравилась. Сорвалась она из-за того, что не смогли заказать автобусы, которые отвезли бы нас в лес и привезли обратно. Пришлось разводить костер во дворе Института. Костер получился огромный. Пришло время тушить. Тут-то и выяснилось, что ни один из наших огнетушителей не работает. Пришлось носить воду ведрами и заливать костер. Хороши бы мы были в лесу!

Запомнился такой случай. Работала у нас Мария Калинична Фролова, фронтовичка, мать-одиночка. Пошел сын в школу. Как оставить его одного в каникулы? Мария Калинична пишет заявление об отпуске так, что на три дня в неделю, которые надо присутствовать на работе, берет отпуск, а три «библиотечных» оставляет рабочими (суббота тогда была рабочим днем). Таким образом, она экономит несколько дней отпуска на следующие каникулы. Сначала все шло гладко, никто не обратил внимания, заявление было подписано. Вдруг отдел кадров обнаружил непорядок и предъявил Борису Львовичу претензии. Назревал скандал. Тогда Борис Львович вызвал меня и велел оформить Марии Калиничне задание на те дни, которые вклинились в отпуск как рабочие и сделать так, чтобы можно было показать выполненное задание. Поскольку лаборанты выполняли всегда огромное ко-

личество расчетов и строили неимоверное число графиков, выполнить такое поручение не составляло труда, так что все обошлось.

Помню и такую историю. После первого года обучения мы сдавали кандидатские экзамены: специальность, общую физическую географию, иностранный язык и марксистко-ленинскую философию. По философии я получила 4. Аспирантурой в ту пору заведовал Георгий Дмитриевич Кулагин. Я расстроенная пришла сдавать ему экзаменационный лист, а он мне сказал: «Что Вы расстраиваетесь? Иметь пятерку по такому предмету – дурной тон». Я остолбенела от неожиданности и испытала чувство благодарности человеку, который рискнул сказать незнакомой аспирантке такие крамольные слова просто для того, чтобы ее утешить. Что тогда этого никому нельзя было рассказывать – я понимала.

Вспоминая годы, проведенные в Институте, понимаю – самым главным в отношениях между людьми в нашем Институте была доброжелательность. В нашей теперь небольшой лаборатории мы стараемся хранить эту атмосферу.

С. С. Савина

В аспирантуре у Б. Л. Дзердзеевского, в отделе климатологии и в Институте

1953–1956 – годы аспирантуры

Аспирантские годы каждый вспоминает по-разному. Для меня это были самые беспечные, интересные и свободные годы.

1953 год! Позади остались дипломная работа и государственные экзамены. Географический факультет закончен с красным дипломом. Выпускникам всех факультетов его одновременно вручал ректор МГУ академик И. Г. Петровский. Было чувство удовлетворения. Думаю, оно знакомо многим.

Предстояло волнующее распределение. От него зависело – как сложится наша жизнь в будущем. В наше время это был очень решительный момент: у нас не было свободного выбора. Мы подчинялись решению Государственной Комиссии. Именно она определяла, где нам быть. Мне лично повезло. Государственная комиссия удовлетворила заявку Института географии АН СССР на специалистов-климатологов. При этом предусматривалось одно место в аспирантуру.

Мое знакомство с Институтом географии состоялось в

1952 г. – это было связано с моим участием в работах Комплексной экспедиции совместно двух институтов АН СССР: Института географии и Института физики атмосферы. Полевые исследования проводились в рамках актуальной проблемы, связанной со «Сталинским планом преобразования природы» – борьбы с засухой и суховеями. Район исследований – Прикаспий (Западный Казахстан). К этой работе нас привлек проф. Б. Л. Дзердзеевский, зав. отделом климатологии и гидрологии Института географии АН СССР.

В 1953 году в аспирантуру Института поступала, пожалуй, впервые такая большая группа – более 7 человек. Большинство окончили московские ВУЗы: географический факультет МГУ, Институт международных отношений, Институт востоковедения и др., но были и из других городов. На подготовительных занятиях, консультациях мы быстро вошли в контакт и в чем-то помогали друг другу.

В Институте было два места, где обычно проходили наши беседы: актовый зал и читальный зал библиотеки. В актовом зале официально стояли стол и шкаф, принадлежащие аспирантуре, а в библиотеке – получали научную информацию.

В наш молодежный коллектив, готовившийся к экзаменам, органично вписалась молодая сотрудница библиотеки – Инна Аксельрод. Она заслуживает, чтобы вспомнить о ней: энергичная, всегда приветливая, отзывчивая, понимающая наши волнения и проблемы. Она нас ориентировала в выборе литературы, которая могла быть полезной и облегчить

сдачу экзамена. В нашей библиотеке она работала недолго и исчезла с моего горизонта. Спустя 50 лет после этого «тревожного» 1953 года я вновь встретилась с ней необычно. Инна Аксельрод-Рубина (вторая фамилия по мужу) публикует в двух книгах «Жизнь как жизнь» свои воспоминания (И. М. Аксельрод-Рубина. Жизнь как жизнь. Воспоминания. Иерусалим, 2006). В ней она находит место, чтобы отразить атмосферу в 50-е годы в нашем Институте. Подчеркивает атмосферу неформальную, доброжелательную. Это она ощутила особенно, так как после окончания Института иностранных языков (немецкий язык), до принятия на работу в библиотеку нашего Института, неоднократно получала видимые и невидимые отказы. Это было связано с ее отцом, который был репрессирован. Теперь в официальных публикациях подчеркивают его высокий профессиональный уровень, как одного из лучших арабистов и незаслуженно репрессированного сотрудника органов разведки. Инна Аксельрод отдает должное сотрудникам нашей библиотеки и тепло отзывается об ученых Института, с кем ей приходилось общаться в эти годы.

Аспирантура – это «особое сословие», можно сказать двойного подчинения: административного (зав. аспирантуры) и научного (научный руководитель в отделе). Эти «силы» обычно «сходились» на заседаниях Дирекции и в заключение – на Ученом совете ИГАН. Приемная комиссия в аспирантуру была неформальной и с юмором. Я исхожу

из того, как рассматривали мое личное дело. Случилось маленькое замешательство, которое было вызвано фразой в моей характеристике, данной на географическом факультете МГУ. По «доброте своей души» слишком идейный секретарь комсомольской организации написал: «Не восприимчива к критике». У членов комиссии это вызвало улыбку. Такая реакция мне стала понятной позднее. Я узнала, кто был председателем комиссии – зам. директора ИГАНа, член-корреспондент АН СССР Г. А. Авсюк, удивительный человек с большим юмором и чувством доброжелательности. Заведующим аспирантурой в наше время был Георгий Дмитриевич Кулагин, д.г. н, специалист по экономике Италии, позднее он стал зам. директора Института. Прошло много лет, но он остался в памяти. От него исходила всегда приветливость, открытость, в общении был прост и доступен для нас.

Традиционно в Институте географии День Победы – 9 мая посвящался воспоминаниям наших сотрудников – участников войны. Однажды в такой день Г. Д. Кулагин рассказал некоторые факты из своей жизни военных лет. Легко было представить, что его путь был непростым. Самым ярким у нас осталось воспоминание о его участии в организации подготовки восстания в Праге до входа советских войск. В связи с этим событием Г. Д. Кулагин был удостоен самой высокой награды – Ордена за Пражское восстание.

Г. Д. Кулагин был искренним и доверительным в отношениях с нами – молодыми аспирантами. Невольно в ответ он

вызывал у нас глубокое чувство уважения и желание ответить ему чем-то приятным. Так однажды, когда я уезжала в экспедицию, Георгий Дмитриевич попросил меня привести ему дыню из южных районов. К сожалению, на нашем пути их не было. Взамен мы привезли ему ящик слив особого сорта. Мы их снимали собственноручно с дерева в одном из опытных хозяйств Ростовской области.

Приближался срок окончания моего пребывания в аспирантуре. В это время начиналась подготовка работ по программе Международного геофизического года (МГГ) – 1957–1959 гг. Сотрудники отдела гляциологии нашего Института предложили мне принять участие в зимовке в Арктике на Земле Франца Иосифа. Об этом предложении я сказала моему руководителю проф. Б. Л. Дзердзеевскому – заслуженному полярнику. Он посмотрел на меня внимательно и сказал: «Нет. Мы найдем Вам здесь место. В крайнем случае – на Загорском стационаре». Проф. Б. Л. Дзердзеевский в 30-е годы руководил метеорологическим обслуживанием всех экспедиций в Арктике, был на зимовках, в том числе на о. Рудольфа в течение всего времени дрейфа «СП-1». Он прекрасно представлял меня в этих суровых условиях Арктики.

После окончания аспирантуры я один месяц была лаборантом. Затем получила место в штате – м.н.с. в отделе климатологии и гидрологии. Это был заключительный момент моей аспирантской жизни.

Завершение нашей учебы и на географическом факультете МГУ, и в аспирантуре Института географии совпало с событиями, глубоко потрясшими не только нашу страну, но и мир. Март 1953 г. – смерть Сталина – растерянность и слезы у студентов и профессуры. 1956 год – доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Эти оба события за короткий период времени с такой огромной «психологической амплитудой» – нас можно было только пожалеть. Хорошо известно, что содержание доклада оказалось столь чудовищным, что быстро вышло за пределы не только осуждения «Культа личности». Недаром соратники, еще находящиеся у власти, осудили Хрущева: «что он творит, не ведает что!» (М. Геллер, А. Некрич. Утопия у власти. Лондон, 1986). Это действительно было так. Но все восприняли это, как надежду на «большие перемены».

Все-таки хочется заметить, что не все так воспринимали это событие, как молодежь, воспитанная в традициях советской идеологии. По-другому отнеслось к этому старшее поколение, в своем большинстве – интеллигенция. В сталинские годы многие, кому повезло не стать жертвами, были свидетелями, молчаливыми наблюдателями. Их реакция была как торжество справедливости, пусть с запозданием, но свершившееся. Вспоминая своих самых близких, скажу, что их ничего не удивило в этом «откровении».

Подобно цепной реакции эта весть распространилась по всей стране и вышла за ее пределы, охватив, прежде всего,

страны социалистического лагеря. В те дни мы горячо обсуждали, сопереживали, с напряжением слушали информацию, сообщения по радио и в печати о событиях, в центре которых стояла Венгрия. Вряд ли до нас доходила правда. Правдивая картина этих событий была освещена позднее, в частности, все в той же монографии, указанной выше. Наше восприятие было таковым, что в первые дни еще можно было открыто и смело выражать свое мнение. При этом в моем аспирантском окружении все были единодушны. И вдруг замолчали, оставив как бы все при себе. Более того, среди нас были такие, которые кардинально изменили свое мнение и стали поддерживать официальную линию. Это были те среди нас, кто был ближе к партийной «кухне». Нам же оставалось ясным одно, что «слова» могут быть для нас опасными. Замолкли наши дискуссии. Венгерские события вошли в историю как «кровавая осень 1956 г.».

Борис Львович Дзердзеевский

В год моего прихода в ИГАНе во главе отдела климатологии и гидрологии стоял проф. Борис Львович Дзердзеевский (см. посвященный ему отдельный очерк № 3.11). Он бессменно руководил нами 20 лет. В отношениях с сотрудниками отдела Б.Л. всегда сохранял дистанцию. И в этом большую роль играла форма обращения: только по имени и отчеству и всегда на «Вы». Иногда сотрудники позволяли се-

бе критиковать Б.Л., но только за дверью кабинета. А так он оставался авторитетом для всех и вызывал только уважение.

Мое первое знакомство с Б.Л. относится к студенческому времени, когда он нам читал на кафедре геофака МГУ курс «Синоптическая метеорология». Он произвел на нас сильное впечатление: высокий, стройный, одетый в английском стиле – строго и элегантно – он имел западноевропейский вид. Маленькая острая бородка придавала ему аристократичность. В среде полярников его называли «Мефистофель». Он также оставался для нас примером воспитания в традициях старой школы.

Может быть здесь будет уместным привести некоторые факты в подтверждение сказанного. В 60-е годы Б.Л. был в числе делегатов, приглашенных Американской Академией Наук в Штаты. При встрече Бориса Львовича ошибочно принимают, вместо акад. И. П. Герасимова, за главу делегации. Замешательство быстро разъяснилось, но И. П. Герасимов не мог забыть, что вид Б.Л. был более внушительным, чем его. Еще одна деталь. В общении, на приемах нам было не всегда легко ориентироваться в тонкостях этикета. Исключением был Б.Л., светски воспитанный, у которого в таких ситуациях проблем не было. Еще один момент, связанный все с тем же посещением Америки. В это время по всей нашей стране звучит призыв: «Догнать и перегнать Америку»! Сколько это породило анекдотов! На Ученом совете выступает с впечатлением от поездки уважаемый д.г.н. В. П. Гри-

чук. Он сказал искренне: «Чтобы нам догнать Америку надо лет 200–300». Высказывание было смелое на фоне Хрущевского призыва. Б.Л. был большим дипломатом и политиком и подобную неосторожность не допустил.

Научные труды Б. Л. Дзердзеевского оформились не в тома, а составили всего лишь одну книгу «Избранные труды» на 200 стр. Но это совсем не показатель масштабов деятельности ученого. Б.Л. был, несмотря на свою сдержанность, большим энтузиастом и увлеченным человеком. С молодости интересовался астрономией, позднее космосом, но приоритетом оставался «воздушный океан», с которым был связан и глубоко ему предан на всю жизнь. «Воздушный океан», так называется его научно-популярная книга, в которой изложены понятно и доступно сложные процессы и явления в окружающей нас атмосфере Земли.

Свою научную карьеру Б.Л. начал с самой низкой ступени, как организатор метеорологической станции и наблюдатель на ней. С этой станцией связано начало организации широкой метеорологической сети на Украине. В это время окончательно оформляется направление деятельности Б. Л. Этому способствуют не только его личные качества талантливого исследователя, но и окружение – работа с известными метеорологами в УКРМЕТ (Украинская метеорологическая служба).

Дальнейший путь Б.Л. пролегал из Киева через Западно-Сибирское Бюро Погоды и Магнитно-метеорологиче-

скую обсерваторию в г. Иркутске и завершился в Москве. Он – сотрудник и Ученый секретарь Центрального Бюро Погоды (ЦБП), а также секретарь редакции нового «Журнала Геофизики».

Это были годы становления в СССР Службы погоды. Б. Л. Дзердзеевский организовывает синоптические курсы и приглашает руководить ими известного специалиста из Норвегии Т. Бержерона. В основу учебного курса по синоптической метеорологии кладется книга Бержерона «Трехмерно-связный синоптический анализ» в талантливом переводе Бориса Львовича с немецкого языка.

В это время у Б.Л. зарождается идея разработки методов прогноза на дальнюю перспективу. Уже тогда среди специалистов существовало мнение, что главная «кухня погоды» – Арктика. Эта гипотеза, естественно привлекает внимание Б. Л. Он переходит в Арктический отдел Гидрометеорологической службы, тут же преобразованной в Отдел службы погоды Главного управления Северного морского пути. Здесь был центр невиданных до сих пор масштабов исследовательских работ по всестороннему освоению природы Арктического бассейна.

«Золотой век» – так определяют этот период в истории освоения районов высоких широт Северного полушария. Для этих целей выделяются колоссальные средства. Б.Л. – руководитель и главный синоптик группы прогноза. Они обслуживают все летные и морские экспедиции. Не один раз

Б.Л. проводит месяцы на зимовках в Арктике. Не раз принимал личное участие в экспедициях: в Карском море (1935), в составе летного отряда Водопьянова (1937–1938), в поисках неожиданно исчезнувшего над Северным полюсом самолета Леваневского. Осуществляется героический перелет Водопьянова (1937) впервые через Северный полюс в Америку и беспосадочный перелет Чкалова (1937). Эти перелеты положили начало воздушных сообщений через Полюс между континентами Европа-Америка. Сейчас все это уже забыто. К сожалению, отдельные очерки об этих событиях, о легендарных именах непросто найти даже в новом Географическом словаре.

Кульминацией Полярной эпохи, конечно, был 1937 г. – высадка на ледяном поле вблизи Северного полюса научной группы во главе с И. Д. Папаниным, определяемый теперь как «Северный Полюс-1» (СП-1). Жизнь на льдине в течение 10 месяцев (V/1937–II/1938) – это был подвиг во имя науки.

Б. Л. Дзердзеевский – главный синоптик этой дрейфующей экспедиции. Он находится на о. Рудольфа, самом северном острове Земли Франца Иосифа, ближайшем к Северному полюсу (82° с.ш.). Находясь месяцами на ст. Диксон, в бухте Тикси, на о. Рудольфа, Б.Л. лично ощущал капризы арктической погоды. Дрейфующая станция 1937–1938 гг., конечно, тоже давала уникальный материал. Обобщая и анализируя все имеющиеся данные, Б.Л. дает свою интерпретацию развития атмосферных процессов и приходит к револю-

ционному выводу: «Арктика не есть кухня погоды». Гипотеза постоянного антициклона над Центральным Полярным бассейном не подтверждается. Здесь также имеет место активная циклоническая деятельность. Циркуляция в Арктике – это лишь часть единого механизма атмосферной циркуляции, охватывающей все Северное полушарие. Это был важный итог первого этапа научных обобщений. Он представлял фактически «ядро» его будущих разработок. Работа была отмечена самой высокой оценкой – Государственной (Сталинской) премией. Второй раз Б.Л. становится лауреатом Государственной премии в 1950 г. Тема нам остается неизвестной, но можно предположить, что она была связана с исследованиями высоких слоев атмосферы в связи с началом атомных испытаний.

Б. Л. Дзердзеевский обладал не только талантом исследователя с острым аналитическим умом и интуицией, но и большими научно-организационными способностями. Это подтверждается всей его творческой деятельностью на Украине, в Западной Сибири, в Москве, в Арктике, Антарктиде, и, наконец, в Академии наук – в Институте географии и Междуведомственном геофизическом комитете.

Сегодня все это уже ушло в прошлое. Однако имя Бориса Львовича Дзердзеевского осталось в истории науки, по меньшей мере, как автора первой типизации крупномасштабных процессов в атмосфере Северного полушария. Вспоминаю, как Б.Л. после нескольких дней пребывания на больничном,

положил на стол небольшую по объему рукопись «Циркуляционные механизмы в атмосфере Северного полушария в XX столетии». Монография была написана, как говорят, «на одном дыхании».

Сегодня типизация Б. Л. Дзердзеевского – это классика. Она завоевала признание и право на свое дальнейшее существование. До сегодняшнего дня продолжается работа по составлению Календаря последовательной смены типовых макропроцессов в атмосфере Северного полушария. Она охватывает период более 100 лет. Она «живет», широко используется как основа методики в изучении закономерностей в многолетнем развитии циркуляции Северного полушария, в разработке долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозов. Более того, применяется в выявлении климатических изменений, а также сопряженных с ними других компонентов географической среды. Много идей принадлежит Б.Л. в изучении климатов прошлого. Несомненно, они сейчас особенно актуальны и нашли бы свое применение в решении стоящей сейчас особенно остро проблемы изменений климата. Сегодня эта проблема вышла на государственный уровень, о котором говорил и мечтал несколько десятилетий назад профессор Б. Л. Дзердзеевский.

Неожиданный его уход – это большая потеря для науки. Для нас эта потеря вообще осталась невосполнимой. Никто не мог так блестяще излагать суть, значение и перспективы изучения изменений планетарной циркуляции и климата.

Если вспомнить его общение с нами, своими сотрудниками, то он оставался образцом, прежде всего, высокой культуры, внутренней и внешней. Был такой курьез с супругой Б.Л. – Валентиной Владимировной Дзердзеевской – и связано это было с их интеллигентностью. Рассказывал это мне лично, пока шло заседание Специализированного совета, Григорий Александрович Авсюк. Этот случай можно понять, если знать ситуацию с квартирными проблемами в Москве в то время и вообще при социализме. Долгие годы супруги Дзердзеевские жили на улице Чкалова, около Курского вокзала, в доме Полярников. В 60-е годы они переезжают в новый академический дом на ул. Губкина, в двухкомнатную квартиру. После ухода Бориса Львовича из жизни квартира для его супруги стала большой. Если понимать психологию истинного интеллигента, то ее приход в жилищный отдел Академии наук с просьбой выделить взамен двухкомнатной квартиры однокомнатную квартиру, выглядит совершенно нормально. Но для большинства советских людей это было крайне непонятно. Так просто с такими квартирами не расставались! Ее просьба привела в недоумение членов жилищной Комиссии. С такими просьбами никто еще не обращался. Находили обычно выгодный (конечно денежный) обмен. Квартиру ей выделили на той же ул. Губкина в академическом 14-этажном доме.

Личность Бориса Львовича была яркой не только в Академии наук, но и в среде тех ученых, которые даже в самой ма-

лой степени касались Арктики, Антарктики и вообще исследований циркуляции атмосферы и климата Северного полушария. Поэтому, когда возникла проблема с местом захоронения, пришлось обратиться к Ивану Дмитриевичу Папанину.

Личность И. Д. Папанина – легендарная, а в Академии он возглавлял отдел морских экспедиций и обладал неограниченными возможностями. Мы обратились к Папанину с указанной просьбой в марте 1972 г. Мы не смогли найти семейное захоронение Б.Л. на Ваганьковском кладбище. Моссовет не давал разрешение на место в пределах г. Москвы. Вот тогда и решили обратиться к И. Д. Папанину.

Л. М. Ананьева с другими «делегатами» была в кабинете И. Д. Папанина и потом передала весь диалог, который состоялся с канцелярией Моссовета. Председателем Моссовета в то время был Гришин. Форма разговора была сама по себе интересной. И. Д. Папанин поднимает трубку и спрашивает: «Хозяин дома?» Секретарь, естественно, ошеломлена. Оторопевшая, молча, кладет трубку. Тогда Папанин говорит: «Ну, стервочка, тебе здесь не работать!» Снова поднимает трубку и начинает с представления своего положения и перечисления всех своих заслуг перед Отечеством. Тут же соединяют с Гришиным. И. Д. Папанин называет повод, в ответ Гришин спрашивает: «Он академик?» Ответ: «Нет! Больше академика!» Все, вопрос был решен положительно.

Отдел климатологии

Несмотря на неказистый внешний вид нашего здания, жизнь внутри не просто шла, а кипела. Мой родной отдел, вначале называвшийся отделом климатологии и гидрологии, а позднее, после разделения – климатология, оставался в рамках прежнего помещения. Отдел занимал две комнаты на первом этаже с окнами на уровне тротуара. Дополнительно ему принадлежала маленькая комната с входом из вестибюля Института, около лестницы. Она служила кабинетом заведующего отделом проф. Б. Л. Дзердзеевского. На нескольких квадратных метрах этой комнаты стояли стол, два стула, была ниша, как «гардероб». Главная примечательность «кабинета» – великолепное из красного дерева кресло, антикварное, дореволюционных времен, случайно затерявшееся в Институте. Оно создавало особую атмосферу, оставаясь единственным предметом этой комнаты, достойным своего хозяина. Кстати, когда отдел переехал в Черемушки, после структурной перестройки в Институте, кресло, естественно, исчезло бесследно.

Мы любили этот «кабинет» и когда Б.Л. отсутствовал, мы его обычно оккупировали. Для Б. Л. кабинет был особенно необходим вблизи библиотеки и дирекции. Однако, А. М. Грин, возглавлявший «кампанию» перемещения отделов, не посчитался с просьбой оставить его за Б. Л. Дзерд-

зеевским. Там расположились хозяйственники. Уже в эти годы молодые деятели не отличались почтением к представителям старшего поколения.

И вот здесь, в этом кабинете-комнатушке, обсуждались научные проблемы, планы, диссертации. Заслушивались сообщения, а также и прием отечественных и зарубежных гостей. Это был точно тот случай, что «не место красит человека, а человек место».

В двух относительно больших комнатах число рабочих мест-столов было 16 при числе сотрудников более 30. В меньшей комнате размещались, кажется, 7 рабочих столов. В большой комнате, проходной, столы техников, лаборантов и младших научных сотрудников. Исключением был рабочий стол проф. Л. А. Чубукова.

В большой комнате обсуждался широкий спектр вопросов – от организационных, научных до бытовых. Здесь шум стоял постоянно и не мешал совмещать техническую работу с разговорами. Проф. Л. А. Чубуков обладал на редкость удивительной способностью на фоне этого шумового «оформления»» спокойно работать, писать. Обсуждать работы приезжающих и приходивших к нему специалистов, аспирантов.

Моя самая ближайшая подруга со студенческих лет И. С. Глух обычно работала в этой комнате. С присущим ей природным юмором, она красочно, образно описывала присутствующих. В итоге определила эту комнату, как «зоо-

парк». В комнате были «прописаны» такие по настоящему заслуживающие уважения, давно работающие сотрудники, как Ванда Васильевна Панина, – бескомпромиссная, прямая, принципиальная, открыто эгоистичная, но в то же время справедливая. Всегда спокойной и рассудительной я помню Нину Ивановну Зудину, закрученную семейными проблемами Марию Калиничну Фролову. Все они прошли войну, знали жизнь!

Шум – это была неотъемлемая часть атмосферы большой комнаты. При появлении Б. Л. Дзердзевского все стихало мгновенно! Все начинали сосредоточенно работать. Общее впечатление менялось сразу на 180°. Несмотря на эти особенности – работа шла!

Вторая комната могла считаться интеллектуальной. Здесь работали только научные сотрудники. Они были намного старше нас, только что пришедших со студенческой скамьи. Все они были с большим жизненным опытом, особенно военных лет.

При первом посещении отдела мое внимание привлекла одна из присутствующих дам. Как я потом уже узнала – это была Ксения Васильевна Кувшинова. Нельзя было не обратить внимание на ее интересное, с тонкими чертами, интеллигентное лицо. Она была худенькой, элегантно одетой, очень привлекательной. В ней чувствовалась свобода и уверенность, позднее не без основания – авторитарность. К. В. Кувшинова приехала после войны в Москву из Таш-

кента, где она работала синоптиком. Там же защитила диссертацию и получила степень кандидата ф.-м. наук. В отдел климатологии она пришла в 1952 г. В последующие годы меня с К.В. связывали не только служебные, но и часто человеческие отношения. Она была старше меня на 12 лет, житейски мудрая, общительная, гостеприимная и хороший товарищ. От нее нельзя было отнять находчивость, остроумие, иногда язвительность, за что и называли ее «Белая головка». Анатолий Иванович Будаговский оценивал К.В. так: «К.В. умная, но ленивая. Могла бы защитить докторскую!»

В 60-е годы появилась в отделе не менее уважаемая Александра Сергеевна Чаплыгина, канд.ф.-м. наук. Она перешла из Института физики атмосферы, где была Ученым секретарем, и по личным мотивам с персональной единицей переведена на должность старшего научного сотрудника в отдел Б. Л. Дзердзеевского. А. С. Чаплыгина, владея тремя языками, оставила заметный след в географии особенно как переводчица двух книг по климатическим изменениям.

Культура и большой опыт работы К. В. Кувшиновой и А. С. Чаплыгиной в системе Главного Управления Гидрометеорологической службы (ЦИП-Центральный институт прогнозов), их личное знакомство с ведущими специалистами в этой системе сближали их с Б. Л. Дзердзеевским. В критические моменты, когда требовалась выработка политики действий в Институте, и в разных международных комитетах, Б. Л. Дзердзеевский приглашал К.В. и А.С., как бли-

жайших советников. В такой же роли выступали А. П. Гальцов, Л. А. Чубуков, Г. Н. Витвицкий, А. И. Будаговский. Это был «мозговой центр» отдела климатологии. Замечу, все они прошли войну и пришли в ИГАН после ее окончания.

А. П. Гальцов был человеком светским, умным, остроумным. За это пострадал, заплатив за анекдот каким-то заключением еще во время войны. Он был связан с театральной, литературной жизнью Москвы, и часто посвящал нас в интересные события этого сообщества.

Мой первый доклад для конференции в г. Вильнюсе (1954 г.) попал в его руки. Ему было над чем поработать! Доклад прошел успешно. Молодых неопытных аспирантов – будущих кандидатов – А. П. Гальцов окрестил «абортированные», т. е. следовало понимать, как недоношенные. В первые годы А. П. Гальцов был в должности м.н.с. В 1959 г. им была подготовлена диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. При защите на Ученом совете работа была признана как докторская. Такие случаи в Институте были крайне редкие. Гальцов говорил, придав юмористический характер этому событию: «Предзащитное обсуждение моей диссертации в отделе Климатологии и гидрологии состоялось 1 апреля, а защита на Ученом совете Института географии – в день солнечного затмения». Это была шутка, но в действительности даты и события совпали.

Г. Н. Витвицкий запомнился мне сидящим спокойно за своим столом в углу. Мало говорил, но с большим был са-

момнением. На защите его докторской диссертации аудитория реагировала удивлением или молчанием на его ответы. Они были независимо от вопроса, предельно кратки и выражались в одной фразе: «Я так думаю». Ну что можно было сказать?

Мой первый выезд на конференцию в г. Вильнюс был с проф. Леонидом Александровичем Чубуковым. Он был одним из основателей советской школы комплексной климатологии, одним из старейших сотрудников ИГАНа. Его характерной чертой была щедрость и в науке, и в жизни. Он имел много последователей, учеников, аспирантов, разбросанных по всей стране. Особенно в Прибалтике и в Кавказских республиках. Кстати, в эти дни мы посетили одного из его последователей – Б. Стыро, директора обсерватории в г. Каунасе.

В беседах с Л. А. Чубуковым, а времени для этого у нас было много, открылась его поэтическая натура, многое объяснявшая в его поведении в жизни. Интересным для меня было откровение об определении Советского Союза как «Империи». В то время такие слова были опасными и даже кощунственными. Свою страну мы считали образцом единого многонационального государства, лишенного каких-либо имперских проявлений. Теперь можно сказать, что это было нашим большим заблуждением.

Нельзя забыть «застолья» в доме Л. А. Чубукова. Дом был просторным, деревянным, сохранившимся еще от прежних

лет, в стороне от центра. Чтобы собираться у Л. А. Чубукова было много поводов, и он всегда радостно принимал любые предложения. Большой гурман, необыкновенно гостеприимный, он был рад встрече с коллегами и друзьями в своем доме. Встречи сопровождались остроумными тостами, чтением стихов и танцами. Особенно любил читать стихи А. И. Будаговский. В его исполнении звучал Есенин из цикла «Персидские мотивы» – «Шагане Ты, моя Шагане», с большим пафосом, В. Маяковский. В целом такие вечера, конечно, объединяли нас.

С Анатолием Ивановичем Будаговским я прошла «плечом к плечу» около 15 лет. И, оказывается, о нем мне писать особенно трудно. Трудно сконцентрировать и выразить всю его многоликую натуру. Не уверена, что мне, хотя бы частично, это удастся.

Его высокий рост, неотъемлемая трубка (курил только табак) придавали ему импозантность. Человек он был умный, глубокий аналитик, с присутствием юмора, но мрачный. Его выступления всегда были по существу, часто с резкой, но конструктивной критикой, полезными рекомендациями и советами. Не всегда он получал поддержку своим предложениям, идеям. В том случае за кулисами, в коридоре он в сердцах говорил: «Ну, что можно ждать? Ведь это же Богадельня!». Правдой было только то, что Институт теперь занимал помещение в прошлом, принадлежавшее Богадельне.

А. И. Будаговский в общении был сложным, характер его был непростой. Он вошел в войну уже не юным, а имея опыт работы инженера-гидролога. Во время войны он был начальником партии по восстановлению мостов, гидрологических постов и метеорологических станций на освобожденной территории. Образование у него было техническое, что и объясняло его критическое отношение к «чистым географам», а с их стороны не всегда понимание.

А. И. Будаговский в экспедициях был всегда решительным, чувствовался его жизненный опыт, опыт военных лет, он знал, как действовать. С ним мы всегда были в безопасности в этих длительных и долгих поездках. Иногда нам приходилось (и по делу) испытывать его гнев. Когда он обрушивался на нас, как «гром и молния» доставалось нам всем! Но так как он был прав по большому счету, нам приходилось переживать, переносить такую «бурю»!

Сегодня 2011 год. Анатолия Ивановича уже нет с нами. Он прожил долгую жизнь, посвятив ее Науке. О нем у меня остались самые добрые воспоминания, он дал нам хорошую школу, которая помогала в нашей, уже не с ним, работе. А в памяти у меня до сих пор остались «целинные» просторы России! Осталось ли что-нибудь от величия их бесценной природы в XXI веке?

Институт географии АН СССР

Институту географии АН СССР – уже 90 лет. Придя в стены Института в 1953 г., я их покинула в 1987 г. Все-таки 35 лет – цифра внушительная.

Мои мысли о ИГАНе очень субъективны. Объективное представление дается в официальном издании, в книге «Институт географии и его люди» (М.: Наука, 2008).

Первое, что хочется сказать, ИГАН – это единственный в своем роде Институт, равных и подобных ему нет! Особая атмосфера в стенах ИГАНа более или менее сохранялась на протяжении всех моих лет работы. Это не только мое мнение, но и моих коллег. ИГАН всем нам продлил жизнь в буквальном смысле слова.

Второе, в Институте практически не соблюдался строгий график рабочего дня в общепринятом понимании. График присутствия на рабочих местах был скользящим: два дня в неделю могли быть «присутственными», а остальные – библиотечными. В целом такие условия предоставлялись научным сотрудникам, а инженеры, лаборанты всю неделю имели полный рабочий день, т. е. работали в стандартном режиме. Все годы Институт географии был «бельмом» для Райкома. Райкомовские деятели время от времени устраивали утренние «налеты» с целью проверки занятости рабочих мест и соблюдения дисциплины. Они выносили замечания, преду-

преждения, но после их ухода все шло в том же порядке.

Причина такого исключительного положения, в стенах ИГАНа вынужденного, была связана с ограниченной площадью. В начале 50-х годов сотрудников было не более 200, а в 80-е стало более 600. Эти цифры, отнесенные к площади «Метрополии» в Старомонетном переулке, говорили сами за себя.

Внешний вид ИГАНа, откровенно говоря, был «плачевным», особенно с окнами на уровне тротуара. Это стало еще заметнее с появлением напротив колоссального здания в сталинском стиле Комитета по атомной энергии. Но все это в целом не могло умалять достоинств нашего места работы.

Сколько идей, мыслей, какие интересные люди были там, в стенах ИГАНа. Научные исследования ставили Институт географии в ряд со многими международными научными центрами. Для многих из нас открывался мир, который оценивался нами по иным критериям, отличаясь от официальных стандартов.

Пути наших коллег вели в разные концы страны, на разные континенты и океаны. Возвращаясь из путешествий, наши коллеги делились богатыми впечатлениями, открывая нам жизнь и природу мира за нашими родными границами.

Замечательным местом в ИГАНе был актовый зал, небольшой, но уютный! Здесь проходили заседания Ученых советов, конференции, занятия аспирантских групп, расширенные заседания отделов, общественные собрания, прово-

дились незабываемые концерты – «капустники», организованные силами талантов Института, Новогодние вечера, елки для детей, женский день 8-го марта, день Победы 9 мая. Всегда организовывались великолепные застолья, объединяющие почти всех сотрудников. И все это «выдерживал» актовый зал!

Актовый зал «видел» много заслуженных людей, «слышал» интересные доклады, дискуссии. Запомнилось выступление одного из участников прогремевшего тогда на весь мир путешествия на Кон-Тики – Тура Хеердала. Представил докладчика акад. И. П. Герасимов, а синхронным переводчиком был д.г.н. А. В. Живаго. Или, например, доклад И. П. Герасимова после его возвращения из океанической экспедиции в районе глубоководной впадины – Чилийский желоб. Было незабываемым услышать «дыхание Земли», которое было продемонстрировано звуковой записью хода глубоководных извержений, которые оттенялись искусственными взрывами через четкий интервал времени. Это ощущение трудно передать, просто надо слышать!

1978 год. С этого года Ученый совет Института теряет право присуждать ученые степени. Теперь эту функцию ВАК передает Специализированным Ученым советам при Институте, которые формируются по профилю научных интересов. Председателем Секции Специализированного совета ВАК по «гляциологии, гидрологии и климатологии» стал чл. – корр. Г. А. Авсюк (с 1984 г. академик), его заместите-

лем – д.г.н. В. М. Котляков (с 1991 г. академик РАН), Ученым секретарем Совета стала я – с.н.с. Савина С. С., техническим секретарем – м.н.с. И. С. Глух. В этом составе совет работал в течение двух сроков, т. е. 8 лет.

Роль и значение Григория Александровича Авсюка в развитии географической науки отражена в официальном очерке «Институт географии и его люди», 2008. Впечатления о Г.А., как незаурядной личности, ощущалось каждый раз в непосредственном с ним общении. Г. А. Авсюка впервые я увидела издали, как только пришла в Институт. Его нельзя было не заметить, слишком он выделялся: высокий рост, сухопарый, обычно в сером костюме, часто с перекинутым на руке плащом, в неизменном берете, может быть, в приплюснутой кепке. Что касается его портрета, то он не имел классических черт. Однако, его глаза и улыбка светились юмором, а его всегда спокойный тон и остроумие в разговоре открывали как бы свободный к нему доступ. В его облике проявлялась, прежде всего, интеллигентность, что уже говорило само за себя.

В 1967 г., будучи в Праге, неожиданно в Музее на Вацлавской площади на стенде среди участников первой антарктической экспедиции я увидела так хорошо знакомое лицо Г. А. Авсюка. Это было очень приятно.

Многие часы, проведенные в течение 8-ми лет на заседаниях Специализированного совета за одним столом с Г.А., оставили неизгладимый след в моей памяти. Чаще на его ме-

сте был д.г.н. В. М. Котляков, но это было другое: с ним разговор касался в основном только дела. При Григории Александровиче официальная часть шла как бы сама по себе, а помимо текла еще беседа приватного характера. Он с удовольствием рассказывал тихо-тихо истории своих заграничных поездок, перелетов. Однажды, самолет повернули уже на середине полета над Атлантикой обратно в Штаты. В другой раз был потерян его багаж. Компания возвратила и моральный, и материальный убыток щедро. В 60–70-е годы не было массового туризма и глобализации. И моменты, о которых рассказывал Г.А., были очень интересны.

Обычно на защитах Г.А. не давал никаких комментариев. Но один раз на защите А. Н. Кренке все-таки высказался, но приватно. Г.А. заметил, что представленная в двух томах диссертация Александра Николаевича была очень многословной. Постарались, не умоляя достоинств ее автора, все-таки сократить ее почти в половину. При отправлении дел диссертанта в ВАК, Инесса Станиславовна Глух иногда с трудом могла «поймать» Г.А., чтобы получить его подпись. Часто он был просто недосягаем. В таком случае Г.А. предлагал: «Нарисуйте мою подпись». После проведенных восьми лет на заседаниях Специализированного совета, Ксения Васильевна Кувшинова, не особенно щедрая на комплименты, заметила: «Знаете, Светочка, при Г.А. и при Вас на заседаниях как-то создавалась легкая, приятная атмосфера». Отнести это можно, прежде всего, конечно, к присутствию

Г. А. Ушел Григорий Александрович неожиданно и унес с собой обаятельный образ мудрого и приятного человека.

На вершине иерархической пирамиды в ИГАНе стоял академик Иннокентий Петрович Герасимов – директор Института. Непосредственно с ним не сталкивалась, но имела возможность неоднократно наблюдать и слушать на заседаниях Ученого совета, на заседаниях Дирекции. Мне часто приходилось присутствовать там как Ученому секретарю отдела климатологии, иногда замещая заведующего отделом.

Надо заметить, что его внешность обращала на себя внимание: высокий, стройный, с интересным лицом, всегда динамичный, стремительный. Не один раз я видела, как он проносился, как вихрь к своему кабинету в конце длинного коридора. При обсуждении разных работ, программ, планов чувствовался ясный, острый ум, эрудиция, прекрасная ориентация и быстрая реакция в любом вопросе, в любой области. Никто не мог не почувствовать его харизмы.

Благодаря И. П. Герасимову в Институте господствовала и сохранялась здоровая атмосфера, пресекались скандалы, не замечалось давления ни по национальной, ни по политической линии.

Его работоспособность поражала. Получая с курьером вечером объемный «опус» – программу и др., уже на следующее утро в Институт приходило все не просто с замечаниями, а полностью переработанное и представленное в конструктивной форме. Его жесткость, а вернее твердость, про-

явились особенно в дни организации и проведении XXIII Международного географического конгресса в г. Москве в 1976 году. Несомненно, конгресс имел большое политическое значение. Подход был государственный и выражался одним словом – «Надо!» При напряженной работе некоторые сотрудники заплатили здоровьем и даже более.

Большой дипломат, обладающий талантом буквально виртуоза, И. П. Герасимов обходил все препоны на всех уровнях, утверждая значимость географической науки и Института географии в системе Академии наук СССР.

А. В. Дроздов
В отделе физической географии, 1963–2011 гг.

С отделом меня связывают 48 лет работы. Менялся Институт, как и вся страна, как и вся наша жизнь. Менялся отдел – он и назывался в эти годы по-разному. При мне сменились пять заведующих. И все эти изменения были существенными. Но сохранялось нечто, для меня очень важное.

Об этом я и хочу сказать. Не об истории, а о жизни отдела, какой я ее воспринимал и осмысливал. Конечно, менялись мои глаза, менялись оценки. Конечно, они субъективны. И все же память хранит, я надеюсь, важные вещи.

В Институт меня «распределила» комиссия, ведавшая трудоустройством выпускников географического факультета МГУ[7]. Естественно, я был рад чрезвычайно. Но еще до первого рабочего дня мне, как оказалось, предстояли смотрины. Неожиданно домой позвонила референт директора и сообщила, что академик Иннокентий Петрович Герасимов хочет со мной познакомиться и что мне надлежит в такой-то день и час ждать его у дверей Института. Почему у дверей я

[7] Кроме меня в этот год факультет направил в Институт географии еще четверых выпускников: К. Н. Дьяконова, Р. И. Злотина, С. Л. Лебедеву и А. Ю. Ретеюма. Мы получили впервые введенный в Академии наук статус стажеров-исследователей.

узнал в назначенное время – И.П. решил поговорить со мной в своей служебной машине, по пути в академическую столовую. Дорога туда занимала в то «беспробочное» время минут десять и разговор был очень коротким. Сначала И. П. сказал: «Вам придется еще многому учиться, например, способам расчета энергии, запасенной в биомассе растений, и другим новым технологиям». Затем последовал вопрос: «Как Вы думаете, помогут ли решению географических задач электронные вычислительные машины?» Я ответил в том смысле, что ЭВМ хороший инструмент, но все будет зависеть от того, что мы в нее заложим. Очевидно, интуитивно я угадал ответ, удовлетворивший директора…

Атмосфера моих первых лет. Две комнаты. В дальней (теперь там читальный зал библиотеки) стоят 7 или 8 столов, за каждым кто-то из старших. Тишина. Входил туда на цыпочках, говорил шепотом. Пиетет вырабатывался сам собой – его питали атмосфера сосредоточенной работы и имена работавших. Вы их помните: Мурзаев и Арманд старший, Никольская и Иверонова, Рихтер и Преображенский, Нефедьева и Сильвестров, Мухина, Соболев…

Первое поручение – расчеты влияния рельефа на эрозию. Огромные таблицы. Вопросы обращаю не к руководителю темы Сергею Ивановичу Сильвестрову, а к Елене Никифоровне Лисичек. Она мою работу проверяет. И она единственная из младших сотрудников имеет стол в той дальней комнате. Так что только в крайнем случае уже она сама или же

мы вместе спрашиваем о чем-либо Сергея Ивановича. И вот я все посчитал, таблицы готовы. Идем к Сергею Ивановичу. Смотрит, кивает и говорит: «Спасибо, а теперь повторите все расчеты в обратном порядке. Если совпадут, можно будет двигаться дальше».

Телефон помещался у входа в первую комнату. Говорить полагалось за дверью. Давид Львович (Арманд старший, в то время зав. отделом) приспособил полочку, чтобы класть на нее записную книжку. Звонить ему приходилось много, он ведь вел массу дел. Однажды я услышал слова обо мне – как видно, он отвечал на вопрос или Ю. К. Ефремова или Е. Н. Лукашевой, меня еще в университете опекавших. Сказал всего четыре слова, я их помню хорошо: «Мальчик старательный, но зелен». Я с рвением принялся штудировать совершенно новые для меня книжки, спросив перед этим у Давида Львовича совета – с чего начать – и получил большущий список. А вскоре по этому же телефону Давид Львович договорился с Михаилом Ивановичем Будыко о моей у него стажировке. Чудное было время.

Учеба продолжалась и не была в тягость. Она и сейчас мне по душе. Но настоящий вкус к ней привили мне мои прекрасные учителя – сотрудники нашего отдела и вся его атмосфера. Увы, годы в школе не были столь насыщены. Да и в университете тоже многое упустил, но уже лишь по собственной глупости.

Необычайно интересны и поучительны были наши семинары. Иногда они проходили в той дальней комнате, а не в зале. Обсуждение было свободным, доброжелательным. Я чувствовал себя равным участником дискуссий, это было радостное чувство. Но понимаю, что иной раз высказывался не только наивно, но и не вполне дипломатично, задевая самолюбие выступавших. Ведь говорить критические слова нужно умело. Однако же говорить приходилось, потому что даже зеленому стажеру поручались серьезные выступления – нужно было для обсуждения на этих самых семинарах готовить рецензии на работы коллег или, что, конечно же, проще, на новые книги. И это тоже была замечательная учеба.

Поучительно оказалось сдавать так называемый кандидатский экзамен комиссии, которую возглавлял Гавриил Дмитриевич Рихтер. Он мягко и доброжелательно расспрашивал меня о теме работы, интересовался полученными результатами, словом отнюдь не экзаменовал меня – скорее это была беседа с коллегой, хотя и в русле кандидатской программы. Закончилось все довольно быстро его словами «ну, вот и отлично, желаем Вам успехов». Потом, наблюдая Г.Д. перед очередным экзаменом, я часто слышал, как он приглашал членов комиссии, говоря им: «Пойдемте, коллеги, побеседуем с имя рек, наверняка узнаем что-нибудь новое и интересное». Так экзамен становился уроком – конечно, в первую очередь для испытуемого. От такого экзамена оставалось ощущение заинтересованной беседы равных, а не

школяра с профессором-небожителем. Пожалуй, это и было главным уроком общения с Гавриилом Дмитриевичем, не только всеми уважаемым, но и любимым старшим товарищем.

Наши заседания и семинары были увлекательны еще и потому, что в отделе по весьма разным темам работали очень разные люди. У нас кроме классических физикогеографов были ботаники, геоморфологи, климатологи, лимнологи, гляциологи. И в этом разнообразии почти всегда обнаруживались интересные всем, общие для всех нас стержневые или сквозные сюжеты. Они то и обсуждались сообща, они помогали вовлекаться в новые дела, причем вполне естественным образом. Безусловно, помогали и дирижеры, понимавшие проблемы широко и направлявшие их обсуждение столь умело, что самоорганизация исследовательских тем и групп могла осуществляться без помех. В этом тоже отличительная особенность атмосферы моих первых лет работы в отделе.

Сотрудники отдела дома у Г. Д. Рихтера, 1950-е годы. Слева направо: Е. Е. Гуртовая, Л. Ф. Куницын, В. М. Котляков (стоит), А. В. Яшина, Н. М. Ступина, В. С. Преображенский, Г. Д. Рихтер, Л. А. Петрова.

Но помимо самоорганизации, безусловно, много значило управление, в значительной мере опиравшееся на авторитет и мудрость старших коллег. Помню эпизод, открывший мне роль Леонида Леонидовича Россолимо как организатора.

Он представлялся мне классическим натуралистом, сочетавшим умения экспериментатора и теоретика, изучавшим

тонкие механизмы различных озерных круговоротов вещества и их географическое разнообразие, закономерные связи и комбинации этих круговоротов. Я с интересом читал его публикации, слушал его доклады. Схемы классификации озер, построенные на основе анализа круговоротов, вызывали у меня восхищение. Они представлялись мне воплощением идей А. А. Григорьева на лимнологическом материале. Только позже я узнал насколько оригинальными и независимыми, опережавшими время были исследования лимнологов на станции в Косино, где работал и Леонид Леонидович (см. очерк Г. С. Шилькрот).

Так вот, в начале 1970-х гг. Л. Л. Россолимо рецензировал рукопись моей будущей диссертации, включавшей материалы детальных определений массы корней модельных деревьев в дубравах Центрально-Черноземного заповедника. По неопытности я вставил в основной текст рукописи несколько десятков страниц и таблиц с этими данными, считая их самоценными и интересными для всех – ведь прежде никто таких определений не делал. Рукопись была насыщена и множеством других материалов полевых наблюдений, правда не столь детальных. Леонид Леонидович в своем выступлении изящно дал мне понять – показывать свое усердие таким способом не следует. Нужно не только уметь собирать большой первичный экспериментальный материал, но и обобщать его и встраивать в работу так, чтобы он сыграл на общую задачу исследования, не отягощая читателя избыточными дета-

лями. А задача моей работы была много шире, чем скрупулезный анализ структуры фитомассы лесостепных дубрав – я должен был охарактеризовать круговорот веществ на уровне лесостепного ландшафта. Мягкая, но точная критика была мне очень полезна. Я понял свои просчеты и постарался их исправить.

Сотрудники отдела на даче у Г. Д. Рихтера, конец 1960-х годов. Слева направо: стоят – И.С Гришин, Л.С Абрамов, Л. Ф. Куницын, А. В. Яшина, Г. Д. Рихтер, М. И. Иверонова, Е. А. Нефедьева, Е. Н. Лисичек, Н. Г. Фрадкин, Н. В. Фадеева, Е. И. Федорова, Э. М. Мурзаев, Б. Н. Лиханов, Э. О. Фриденберг, Л. Н. Соболев; си-

дят – Н. С. Казанская, В. В. Никольская.

Но, как выяснилось через несколько месяцев – моя рукопись кое-чем привлекла мастера. Я был приглашен для специального разговора, весьма для меня неожиданного. Леонид Леонидович начал с того, что похвалил мою работу за добросовестность. А затем предложил мне перейти с некоторым повышением в должности в его лимнологическую группу. Он четко пояснил мотивы этого предложения. «Я старею, – сказал Леонид Леонидович, – и вскоре мне не будет доставать сил и желания подробно вникать в работу всех моих сотрудников. А они ведут каждый достаточно специальные и узкие темы. Нужно чтобы кто-то взял на себя роль координатора и помогал встраивать частные результаты в общую конструкцию. Вы, – сказал он мне, – на Курском стационаре долго варились в среде разных специалистов и смогли не только узнать их интересы, но и в какой-то степени соединить результаты их исследований в своей работе. Не беда, что Вы прежде не сталкивались с лимнологическими сюжетами. Вы молоды и быстро освоите новую область. В этом я Вам охотно помогу».

Тогда я не рискнул принять это предложение. Но урок был важен. Мне стало понятно, как нелегко руководить коллективными исследованиями сложных, комплексных географических объектов и явлений. Прежде мне не приходилось задумываться об этом, ведь жизнь нашего отдела, как мне ка-

залось, была простой и естественной.

Безмятежность жизни исчезла, когда управлять отделом стал Владимир Сергеевич Преображенский. Он был виртуозным критиком, хорошим психологом, легко находил мои слабые места и судил их сурово. Я уже не мог скрываться за спиной Давида Львовича (об этой его роли прежде не догадывался). Прятался подолгу на Курском стационаре (кстати, там продолжалась замечательная учеба), а в остальное время старался не попадаться Владимиру Сергеевичу на глаза, благо в комнатах дружественных биогеографов и почвоведов можно было найти свободный стул и стол. А потом понял, что волен или оставаться в отделе и выстраивать новые отношения или уйти. И прямо сказал об этом. Все переменилось. Я уже не опасался спорить и отстаивать свои взгляды, разумеется, в меру моих знаний, явно уступая Владимиру Сергеевичу в багаже и эрудиции, хотя и не во всех случаях.

Теперь понимаю, определенная польза от его жесткого управления, несомненно, была. Оно воспитывало стойкость, умение или убедительно возражать, или принимать аргументы более сильные, чем твои собственные. То же самое, думаю, испытывали и другие сотрудники отдела. Вероятно, не всем это шло на пользу. Вообще, жесткое централизованное управление хорошо для решения задач проектного типа. Но при этом, несмотря на комплексность тематики работ, нередко утрачивается разнообразие суждений и взглядов. И это может снижать устойчивость научного сообщества. Воз-

можно, отчасти поэтому наш отдел после ухода Владимира Сергеевича на некоторое время распался. Более продуктивен, как я думаю, «принцип сочувствия», его блестяще описал Сергей Викторович Мейен.

Тем не менее, теперь я ценю умение Владимира Сергеевича не только находить новые темы исследований, но и вовлекать в их разработку многих сотрудников. Правда, подчас помимо их желания. Кто-то втягивался, кто-то уходил, предпочитая независимость.

Общение с Владимиром Сергеевичем, работа под его управлением побуждали задумываться и решать для себя серьезные вопросы. Что важнее – методологическая установка или эмпирическое обобщение (по Вернадскому)? Следует ли искать конкретику для подтверждения универсальных научных положений, переносимых в сферу географии из других областей знания или даже из философских построений? Можно ли выводить конкретику из таких построений? Или же важнее в первую очередь просто искать любую новую конкретику, а уже потом выстраивать новые обобщения? Пожалуй, одного ответа не существует. Важны обстоятельства времени и специфика той или иной области науки, наличие достаточной массы эмпирики и появление новых концепций изнутри, а не только извне. Очень важны соотношения. Думаю, методология не должна преобладать и внедряться специально. Она должна развиваться органично, по мере необходимости.

Отдел смог восстановить Никита Федорович Глазовский. Вернулось его исконнее название – «отдел физической географии» – хотя и с прибавкой «и проблем природопользования».

Когда Н. Ф. только появился в Институте в роли заместителя директора и заведующего нашим отделом, нам казалось, нужно ждать быстрых и существенных перемен в направлении работ, в сложившейся структуре тематических групп, ждать появления людей Глазовского. Перемены постепенно происходили, но они были мягкими, ненасильственными и воспринимались как естественные и полезные. Вероятно потому, что прежде, чем что-либо переменить, Н.Ф. основательно изучал ситуацию, не полагаясь лишь на чужие суждения. Это требовало усилий, но результат приносило нужный. Так, оказалось, что приставка «природопользование» к традиционному названию отдела вскоре наполнилась серьезным содержанием. Ведь серия фундаментальных книг этой тематики, задуманная и начатая Никитой Федоровичем (первые два из четырех уже вышедших томов), способствовала вовлечению в это дело многих коллег и из наших отдела и Института, и из других организаций. Серия продолжается и после смерти Н.Ф. – значит, тематика продуктивна.

Как жаль, что ему и нам не хватило времени вполне обеспечить самоорганизацию нашей работы, основанную на глубоком анализе всех возможных перспективных сюжетов.

Правда, внешние обстоятельства этому отнюдь не способствовали. Институту нужно было выживать, отделу тоже. Однако вместе с Никитой Федоровичем сделано очень много – какие темы возникли, какие изданы книги, как радостно было работать с ним вместе!

В отделе, конец 1990-х годов. Слева направо: А. Ф. Мандыч, Н. Ф. Глазовский, А. Д. Арманд, А. С. Шестаков.

Удивительно, как при его предельной занятости Н.Ф. всегда принимал нас в своем кабинете с любыми нашими делами – отдельскими, институтскими или личными, мелкими

и весьма важными. Впрочем, «принимал» слово неподходящее. Он просто вместе с нами делал наше общее дело, серьезно и дружески, но без малейшего намека на панибратство. И хотя в нашу сводчатую комнатку № 35 заходил редко, нам всегда казалось – он рядом.

Теперь времена снова настают трудные. Так что нам есть о чем сейчас заботиться. Тем более, что видна угроза атомизации нашего отдела. Утрата внутренних связей, содержательного общения – не по необходимости, а для поиска и осмысления общих интересов – весьма опасна. Ведь такое общение иногда обогащает не менее, а даже более, чем чтение книг, журналов, рукописей. Нередко чье-то вскользь сказанное замечание, чей-то доклад служат импульсом для неожиданного и интересного поворота всего направления нашей работы.

Надеюсь, мы сможем сохранить наше физико-географическое сообщество, хотя и обращающееся сейчас (впрочем, как и двадцать или тридцать лет назад) к смежным с физической географией темам. Сохранить, не забывая наши корни и оберегая атмосферу, в которой мы вырастали. Именно о них я стремился рассказать.

Думаю, корни не утрачены. Однако жизнь отдела складывается сейчас так, что у нового поколения не так много возможностей эти наши общие корни ощущать. А ощущать их важно – для того, чтобы не распасться на мало связанные между собой ячейки, не утратить панорамное зрение и способность видеть нашу работу и наши объекты и частями, и

целиком, в разных масштабах, и в ретроспективе, и в перспективе.

Нас сейчас в отделе немало, мы разные люди с разными интересами, но если все вполне обособимся – едва ли уцелеем как сообщество.

Т. Г. Нефедова
Об отделе экономической и социальной географии, 1978–2011 гг.

Я пришла в Институт географии в конце 1978 г. Как выяснилось впоследствии, в разгар плавной, но заметной смены поколений. Незадолго до этого трагически погиб лидер экономикогеографов А. А. Минц, старела и постепенно уходила «старая гвардия»: И. В. Комар, И. М. Помус, О. Р. Назаревский и другие. Их заменила целая плеяда новых сотрудников, которые определяют лицо отдела и по сей день: Сергей Артоболевский, Павел Полян, Андрей Трейвиш, Вячеслав Шупер, Сергей Тархов, Ирина Волкова, Татьяна Бородина. Все мы были молоды, но не совсем зелены. Большинство успели где-то поработать, некоторые готовили диссертации, имели публикации. Поэтому такое обновление свежей кровью позволило расширить тематику отдела и дать новые импульсы старым темам.

Тогда отделом руководил Георгий Михайлович Лаппо, а его сотрудники группировались вокруг трех крупных направлений, хотя глухих заборов между ними, конечно, не было. Главное среди них под руководством Г. М. Лаппо было связано с исследованием *проблем расселения, городов и агломераций*. В нем блистали Ю. Л. Пивоваров, Г. А. Гольц,

П. М. Полян, а впоследствии Г. Иоффе, В. Шупер, Н. Барбаш, Т. Бородина, Н. Петров и другие. Привлекались и аспиранты Г. М. Лаппо, например, О. Б. Глезер, потом тоже пришедшая в отдел.

Другое направление, изучавшее *территориальную организацию хозяйства,* было представлено Г. А. Приваловской, О. А. Кибальчичем, чуть позже – Э. Б. Алаевым. В конце 1970-х оно пополнилось «упертым» в транспортные сети С. А. Тарховым и «многостаночником» А. И. Трейвишем, которого первоначально взяли в Институт для изучения последствий переброски стока северных рек в Среднюю Азию.

Наиболее сплоченным и организованным было направление *ресурсно-экологических исследований,* которое базировалось на достижениях школы А. А. Минца и И. В. Комара. Руководил этим направлением женский триумвират: Г. А. Приваловская, Т. Г. Рунова и И. В. Канцебовская. В рамках этого направления тогда набирало силу сотрудничество стран СЭВ. С нашей стороны научное руководство осуществляла Татьяна Григорьевна Рунова, главным организатором и душой всего СЭВского сообщества была Инга Вениаминовна Канцебовская. Меня брали именно в эту группу, как человека, умеющего делать карты с опытом четырехлетней работы в Комплексной Восточной экспедиции геофака МГУ.

Я хорошо помню «смотрины», почему-то не в отделе, а в комнате парткома в главном здании. Мне было немного страшно, ведь Т. Г. Рунова и И. В. Канцебовская были для

нас недосягаемыми авторитетами. К тому же я побаивалась дамского руководства. Но, разложив свои карты и рассказав о себе, я сразу почувствовала симпатию со стороны Татьяны Григорьевны. Эту взаимную симпатию мы пронесли через все время нашего общения, и я благодарна судьбе за то, что она подарила мне такого научного руководителя и такого начальника. Трудоголик по природе, Т.Г. всегда ценила работу своих сотрудников, умело и ненавязчиво ее направляя. А если ты получал какой-то интересный результат, то умела похвалить так, что хотелось горы свернуть.

С первых же дней меня подключили к СЭВской теме и Курскому стационару. Мы разделили сферы деятельности с Ириной Волковой: она занималась влиянием на среду промышленности, я – фоновыми видами природопользования, сельским и лесным хозяйством. Было сделано множество карт, которые вместе с итогами работы в МГУ, легли в основу моей кандидатской диссертации о картографическом моделировании воздействия человека на природу.

Плотная работа в группе вовсе не мешала мне ощущать себя членом всего коллектива отдела. На рубеже 70–80-х в двух небольших комнатах на втором этаже дома № 27 (где теперь помещаются картографы) на всех не хватало не только столов, но даже стульев. Кстати, эта теснота отражена в юмористическом рассказе, который мы написали с Андреем Трейвишем в стиле Зощенко к очередному капустнику (прилагается). Раз в неделю проходили общие заседания, на ко-

торых я поначалу боялась раскрыть рот, так силен был пиетет перед известными учеными. Но обстановка была очень демократичная и раскрепощавшая. После заседаний все собирались вокруг маленького столика у входа и пили чай.

И прежде в МГУ, и в Институте географии я работала, в основном, дома. Эта привычка так закрепилась, что теперь я уже просто не могу думать и писать при народе. Но институтское начальство требовало «дисциплины», которую оно понимало как заполнение небольшого числа сидячих мест. Поэтому дважды в неделю по очереди мы отсиживали в отделе. Это были, в основном, дни отдыха от работы. Мы гоняли чаи, иногда делали тупую счетную работу, но больше болтали, обсуждая и личные дела, и научные проблемы. Это очень помогало, с одной стороны, налаживать неформальные отношения в отделе, а с другой – давало возможность обсудить волнующие тебя научные вопросы с коллегами. Именно эта возможность делового, но притом дружеского общения больше всего способствовали нашему росту.

В 1980-х гг. отдел залихорадило. Он был разделен на две части: география населения во главе с Г. М. Лаппо и экономическая география под руководством сначала О. А. Кибальчича, потом Э. Б. Алаева, затем Г. В. Иоффе. Наша группа природопользования попала во вторую часть. Однако формальный раздел мало что изменил. Мы все сидели в тех же комнатах и точно так же общались. С самого начала у меня было ощущение причастности к единому сообществу

институтских экономикогеографов.

В 1980-х гг. по СЭВской теме мы стали ездить за границу. Поначалу только начальство: В. С. Преображенский, А. М. Грин, Т. Г. Рунова, И. В. Канцебовская. Это было время общих деклараций, планов и весьма разношерстных международных сборников, хотя и объединенных общей шапкой. Молодежь стали выпускать после 1985 г. Я хорошо помню эти семинары в ГДР, Венгрии, Чехии, на которых мы делали доклады за круглым столом, торжественно украшенным флажками наших стран, с непременными познавательными экскурсиями и заключительными банкетами. Рабочим языком был русский. Не все наши коллеги знали его хорошо, многие говорили с ошибками, используя лишь общие славянские корни. Иногда мы сами повторяли эти ошибки, чтобы нас лучше и быстрее поняли. Так выработался некий «сэвский язык» – всем понятный, но ужасающий для стороннего слушателя.

Здесь мы работаем.

Г.М. Лаппо.

Как только стали выезжать непосредственные исполнители, появилась возможность конкретной совместной работы. И. В. Канцебовская и чешские коллеги задумали создать единую карту природопользования Восточной Европы. Начиналось, как всегда, с общих семинаров. Но постепенно

в каждой стране определилась «рабочая лошадка», которая отвечала за свою территорию. Координация работы выпала на меня, что оказалось чрезвычайно сложно, так как в «братских» странах к концу 1980-х уже начались изменения в экономике, административном делении, статистике. А методические подходы и раньше различались. Совместить все это было почти невозможно. Зато выезд в страны СЭВ сильно облегчился, на рубеже 1990-х вообще наступил недолгий период фантастической свободы передвижений: визы не требовалось, а билеты на поезд стоили недорого. Два-три раза в год, договариваясь по телефону, я выезжала на встречи уже узкой рабочей группы или в какую-то страну для согласования с исполнителем. После развала СЭВ финансирование этих работ прекратилось. Однако к нам присоединились коллеги из Австрии, которые взялись издавать карту. Работа облегчилась в 1989–1990 гг., когда я год прожила в Польше по академическому обмену, откуда ездила в Брно, где находился координационный центр. И карта «Природопользование и проблемы окружающей среды Центральной и Восточной Европы» все-таки была издана в 1992 г. в Вене. Более того, наша международная рабочая группа настолько сдружилась, что на чистом энтузиазме, по инерции мы продолжили работу, и в 1994 г. там же была издана вторая карта «Первые результаты социально-экономической трансформации в Центрально-Восточной Европе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.